

Креститель

Автор:

Александр Прозоров

Креститель

Александр Дмитриевич Прозоров

Ведун #6

Он пришел из нашего мира... Его называли... ВЕДУН!

Волхвы тоже люди. И хотя долг их – служить богам русским, доносить до людей волю небес и говорить небесам о чаяньях земных, но появляется иногда мыслишка не только духовную, но и земную власть к рукам прибрать. По воле судьбы на острие удара, направленного против князя Владимира, оказываются Олег Середин и богатырь Радул, которые вернулись в Киев из далекого Изборска и пока не знают ни об измене дружины княжеской, ни о бунте волхвов Перуновых.

Александр ПРОЗОРОВ

КРЕСТИТЕЛЬ

Пролог

В простой льняной тунике, поверх которой был надет кожаный поддоспешник без рукавов, широкоплечий базилевс сидел на верхней ступени Черной крепости и наблюдал, как палач дробит конечности привязанному на каменном полу мужчине. То ли от яркого полуденного солнца, то ли от доставленного

излюбленным зрелищем удовольствия округлое, гладко выбритое лицо Василия Второго Болгаробойца порозовело. Скорее, наверное, от солнца – ведь короткие волосы да большие залысины не могли предохранить голову правителя Византии от жары. Обнаженный пленник, рот которого запирали деревянные кляпы, мотал из стороны в сторону головой, но лишь тихо сипел, пока тяжелый молот превращал в кровавое месиво его запястья и щиколотки, а потому янтарные четки, что перебирал в руке базилевс, издавали куда более громкий звук, нежели стоны несчастного. Хотя, конечно, вязкие удары молота заглушали все.

Заглушили они и шаги неожиданного гостя в обвисшей, словно накинутой на жердь, коричневой шерстяной рясе, подпоясанной простой пеньковой веревкой. Из-под темного капюшона на свет выглядывала только длинная, с локоть, узенькая седая борода.

Монах приблизился, остановился за спиной правителя. Поняв, однако, спустя несколько минут, что его не замечают, сделал пару шагов вперед и в сторону и замер на ступени рядом с императором. Василий вздрогнул, поднялся, вскидывая руку:

– Достаточно, Дир! – Базилевс подошел ближе, склонился над жертвой, покрытой крупными каплями пота. – Ну как, Еремей, ты всё еще желаешь примерить мою корону? Нет? Тогда, пожалуй, я оставлю твою голову на плечах.

Он выпрямился, широко перекрестился:

– Господь велел нам быть милостивыми к поверженным врагам, а посему я прощаю тебя, Еремей. Правда, имущество, поля, дома и дворцы твои я назад не верну. Нехорошо, когда император из казны своей изменника хоть чем-то награждает. А всё взятое из добра твоего отныне мое. Жену и дочь твоих тоже не верну. Потому как, надоевши солдатам во всех казармах города, были они проданы маврам, охочим до белых женщин. Никто более, уж прости, за них и медной монеты не давал. Сыновей твоих и брата твоего я на кол на прошлой неделе повелел посадить. Коли живы еще, ты их сними – я велю этому делу не противиться. Ну, а тебя, согласно заветам Господа нашего, Иисуса Христа, я прощаю. Зла на тебя более не держу и милостью божией отпускаю. Дир, отвяжи его и выпусти из крепости.

Кивком позвав за собой монаха, базилевс торопливо поднялся на стену, по ней прошагал к площадке для стрелков над воротами. Наемник в кольчуге, что нес здесь службу, чуть поклонился правителю, подобрал поставленный на землю щит и отошел на край стены, крепко сжимая древко копья и внимательно вглядываясь в низкий город, раскинувшийся далеко в стороны.

Высоко над головой радостно пел жаворонок, слабый ветер с моря навевал свежесть, однако он не в силах был разогнать густой запах, неизменно сопровождающий крупные людские поселения: причудливую смесь ароматов еды и конского навоза, выливаемых прямо на улицу ночных горшков и цветущих персиков, гниющих отбросов и рассаженных по узким дворикам душистых цветов.

– Иногда мне кажется, что каждый из моих подданных собирается стать императором, – наконец повернул голову к монаху Василий. – Я уже устал считать заговоры и покушения, что организуют против меня со всех сторон. Ближние и дальние родичи, патриции, богатые откупщики, военачальники. Среди последних я уже ни одного не помню, кто, получив под свою руку хоть небольшой отряд, не провозгласил бы себя новым правителем. Я даже перестал их казнить, Ираклий. Если я стану казнить каждого центуриона, вообразившего себя императором, то скоро останусь без армии! Варда Склира после бунта пришлось простить и оставить командующим азиатской армией, Фоке Хризопольскому я объявил опалу и отправил в монастырь на остров Хиос. Глядишь, и пригодится еще. Против откупщиков вчера издал закон об аллигентиях, аристократов придется просто прополоть. Но войска, войска... Обойтись без них я не могу. Но что ни год, мне приходится биться против собственных легионов!

– Это печально, базилевс, – согласно кивнул монах.

– И весьма разорительно, – добавил правитель. – К тому же, я желал обезопасить северные границы империи. А для этого армия нужна мне в походе, а не под стенами столицы, где она то защищает меня от изменников, то пытается свергнуть с престола. Хоть ты не собираешься занять мое место, Ираклий?

– Прости, о великий, но у меня есть более интересные занятия.

– Я знаю, – улыбнулся румяный правитель, – знаю. Поэтому я и позвал именно тебя.

– Ты желаешь, чтобы я внушил твоим воинам слепую бесконечную преданность?

В этот момент скрипнула створка ворот, и базилевс, пропустив слова монаха мимо ушей, вытянул шею, глядя вниз. Там палач выволок за ногу на пыльную от пересохшего конского помета улицу полуживого нагого человека, оттащил шагов на двадцать и оставил посреди дороги, презрительно хмыкнув:

– Гуляй, патриций.

Истерзанное тело замерло в скрюченной позе под внимательными взглядами правителя, монаха и караульного. Однако ничего не происходило, и Василий опять повернулся к гостю:

– Так о чем я говорил? Ах, да, об армии. Уже не первый век русские доставляют нам немало хлопот, тревожа северные провинции и нередко наведываясь даже к самой столице. Мы дружили против них с хазарами – но они истребили хазар. Дружили с аvaraми – они истребили аваров. Дружили против них с булгарами – но они и болгар потрепали изрядно. Ты можешь мне сказать, Ираклий, почему эти дикие варвары не затевают столь жестоких и кровавых усобиц, что терзают мою древнюю цивилизованную империю? Ведь их князья держат под собой десятки разных племен. Почему они постоянно пугают нас вместо того, чтобы тихо резать друг друга? Это неправильно, Ираклий, это совсем неправильно.

– Русь слишком далеко, базилевс, – чуть склонил голову монах, – там почти нет наших служителей. Поэтому на них трудно накладывать заклятия или наводить морок. Мы смогли подчинить себе только Муром, да и то ненадолго. Местный колдун зарезал нашего епископа, после чего князь взял себе мирских священников, не посвященных в таинства обители.

– А слепая преданность мне ни к чему, – неожиданно перескочил на предыдущий ответ император. – Видел я таких заговоренных воинов. Они тупы, медлительны и безвольны. В бою от них толку нет. Вот если бы ты внушал преданность вражеским легионам... Но ведь те, что не слушают меня, не очень хорошо поддаются и вашему воздействию? А, Ираклий?

– Чтобы подчинить врага, нам нужно время, базилевс, – возразил монах. – А бунтовщики появляются неожиданно и действуют слишком быстро.

– Я дам вам время, Ираклий, – кивнул Василий. – Время, покой, золото, расположение. Но вы... Смотри!

На улице наконец появилась стая вечно голодных бездомных собак. Прижимаясь к стене дальнего дома, они пробежали мимо тела – но мужчина никак не отреагировал, и стая вернулась, обежав его по широкой дуге. Разномастные псы рассыпались, подкрадываясь и принюхиваясь к человеку со всех сторон. Жертва шевельнула головой, заставив трусливых псов отпрыгнуть сразу на несколько шагов. Однако вывернутые в суставах руки и ноги не шелохнулись, и собаки снова начали подступать, заходя больше со стороны крепости. Вот одна из них понюхала пятку, открыла пасть, все еще не решаясь запустить зубы в живую плоть, опять ткнулась вперед, чуть куснула. Мужчина с тихим стоном закрутил головой – кляп всё еще оставался у него во рту. Псины опять отскочили, но ненадолго. Новый укус был более решительным. Жертва забила головой о землю – но собаки уже поняли, что никакой опасности им не грозит, и принялись рвать горячее парное мясо. Места у ног хватило не всем, несколько псов перебежали к рукам, вцепились в бок отпущенному императором бунтовщику. Некоторое время голова продолжала крутиться, потом замерла.

Базилевс с легким сожалением вздохнул, отошел от края площадки:

– О чем это я? А, да. Болгария[1 - Следует напомнить, что Булгария и Болгария – разные страны. Первая находилась на Каме и Волге, вторая – на Балканском полуострове.]. С ней мы тоже дружили против Руси. Но настала пора поссориться, Ираклий. Думаю я, это случится не через год и не через два. Я уже выбил скамью из-под ног у половины возможных бунтарей. Найду управу и на командующих. Кому почет пообещаю, кого куплю, кого приласкаю, кого на кол посажу, у кого детей в заложники заберу. Слабое место есть у каждого. К тому же, война всегда сулит большую прибыль и славу, нежели прозябание в монастырских кельях, – это понимает каждый центурион. Когда они узнают, что начался поход на богатую Болгарию, их преданность империи возрастет многократно... Но я не хочу, чтобы в это время кто-то ударил меня в спину. Даже если это будет не война, а обычное для русских развлечение с осадой Константинополя, получением откупа и разграблением окрестных селений.

– Я понимаю вас, базилевс, – согласился монах. – Эта предусмотрительность свидетельствует о вашей мудрости...

– Я сам знаю, что такое мудрость, а что глупость, Ираклий! – неожиданно резко оборвал его Василий. – И позвал сюда не для того, чтобы ты лил мед мне в уши! Я хочу, чтобы Русь прекратила наконец свое существование! Она мне надоела! Ты можешь это сделать, слуга обители святого Евагрия[2 - Евагрий Поптийский (346-399 гг.). Диакон и проповедник в Константинополе, затем (с 383 г.) монах в Питримской пустыне. Считается одним из провозвестников исихаизма – мистического течения в христианстве. Исихаизм возник примерно в IV веке, спустя несколько веков исчез вместе со своими тайнами и был возрожден в XIII веке как учение Григория Паламы, ставшее затем официальной доктриной Византийской церкви.]?

– У обители нет войска, базилевс, – мягко возразил монах.

– Свалить Русь мечом пока еще не удавалось никому, – поморщился император. – Скорее, наоборот. Я не желаю, чтобы Византия разделила судьбу Хазарского каганата – не для того я помазан Господом на это царствие. Поэтому злить русских нельзя. С ними нужно говорить ласково, не жалея елей и подарков, уверять в дружбе своей и милости. Но при этом истребить надобно всех, под корень. А кто еще способен на это, кроме воспитанников обители? Прийти со словом добрым и руками открытыми, стол и кров разделить с благодарностью. А потом кому яду в хлеб капнуть, кому глаза отвести, кого словом тайным заморозить, кому дары великие пообещать. Глядь – и режут уже дети родителей своих, внуки друг другу глотки рвут, дочери на помосте у торговцев стоят... Что молчишь, Ираклий?

– Напраслину возводишь на обитель, базилевс. Мы люди набожные, мы лишь мудростью древней интересуемся, да богу нашему, Иисусу Христу, молимся.

– Мне не интересно, кому вы молитесь, Ираклий, – отвернулся Василий. – Хоть богу, хоть Сатане, прости Господи, – обмахнулся он знаменем. – Меня волнуют дела государственные. И государству моему желательно, чтобы вместо мира и покоя у соседей наших славянских распря кровавая началась. Чтобы резали они друг друга день и ночь, пока реки от крови вспять не потекут, и города и веси их не обезлюдят. И чтобы северным границам империи моей никаких опасностей более от них не исходило. Ты меня понял? Подумай, Ираклий. Гнев мой может быть страшен, но и милость велика. Выбери, чего больше желательно обители:

служить воле моей или пытаться устоять супротив моего гнева?

– Все мы ищем твоей милости, базилевс... – На этот раз монах поклонился довольно низко, всячески выражая почтительность. – Однако силы наши не столь велики, чтобы исполнить воистину великие замыслы твои...

– Ты хочешь сказать, я ошибся в тебе, Ираклий? – саркастически ухмыльнулся Василий. – В тебе и в обители твоей?

– Мы всего лишь немощные старцы, что ищут мудрость и исполняют постри...

– Ну, что же, – пожал плечами император. – Немощные так немощные. Однако же, коли мудрость ваша немощи сродни, то и беречь ее, я мыслю, ни к чему. Слышал я, Ираклий, старцы твои все книги в моей библиотеке читают да переписывают. И ведомо мне, что книги те, со времен языческих, от древних эллинов и римлян сохранившиеся, на коже человеческой писаны[3 - Этот факт являлся причиной того, что все армии, захватывавшие Рим или Византию, неизменно обращались с подобным «культурным наследием» так, как требовали погребальные обряды победившего народа: сжигали или захоранивали.]. Пергамент тонкий из кожи младенцев выделан, обложки из тисненых шкур рабских сшиты. Духовник мой, отец Иосиф, уж не раз требовал, чтобы отпели мы книги сии в соответствии с законом христианским да земле предали. Мыслил я, важны книги эти. Но, коли силы они никакой не дают, сегодня же велю их похоронить под присмотром стражи и монахов Афонских.

– Остановись, базилевс! – охнул монах. – Не губи мудрости древней! Не истребляй слова божьего!

– Ступай, Ираклий, – небрежно отмахнулся правитель и пошел вдоль стены к лестнице. – Ты сам признал, что пользы от тебя государству моему ждать не нужно, и грехов ради обители вашей я на себя принимать не стану. К концу недели моя библиотека от книг, из плоти человеческой сделанных, очищена будет. Негоже их в доме держать. А куда их еще деть, коли не в землю освященную положить?

– Отдай их нам, базилевс! – крикнул монах. – Отдай обители Евагрия!

– Ты что-то сказал, Ираклий? – остановившись, обернулся император.

– Отдай эти книги нашей обители, о великий... – опустился на колени монах. – В них мудрость веков, базилевс, в них тайны забытых богов и неведомых магов, в них откровения ангелов и демонов. Не истребляй их, именем Господа умоляю тебя, Василий!

– Наверное, слышалось, – кивнул император и снова двинулся к лестнице.

– Я сделаю это, базилевс! – Монах тяжело вздохнул и поднялся с колен. – Я поеду на Русь, наведу морок на народы тамошние, подыму брата на брата и отца на сына. Ты можешь больше не беспокоиться об этой стране. Считай, ее больше нет. Но за это ты отдашь нашей обители писанные на языческом пергаменте книги.

– Я же говорил, что слабое место есть у каждого, Ираклий, – усмехнулся Василий. – Ты был упрямым, но я не злопамятен, колдун. Вы получите все богопротивные книги, прости, Господи, меня за грех мой. Ты получишь от меня милостивые письма к князю Киевскому, дары ему и двору княжескому. Поедешь туда, дабы доказать любовь нашу к соседям северным, желание дружбы, мира и общего благополучия. Ну, а что делать... Что делать, ты знаешь.

Опочка

Тропинка неприятно чавкала под ногами, и в такт ее чмоканию болото неизменно отзывалось крупными шумными пузырями. Правда, примотанный к запястью серебряный крестик не нагревался – значит, колдовства не было. Над ухом, словно зуммер старого пейджера, непрерывно жужжали комары, надеясь выискать не натертое полынью место, по ноге постоянно стучала прицепленная к ремню сабля, да вдобавок богатырская лошадь постоянно норовила сжевать что-то у ведуна с правого плеча. Богатырская – не в смысле сверхмогучая, просто эта лошадь принадлежала богатырю Радулу, киевскому боярину. Впрочем, она и на самом деле выглядела настоящим першероном. Боярин ехал за Олегом верхом, ведя в поводу свою заводную кобылу и обоих Серединских скакунов. Что же, и на том спасибо.

Болото выпустило очередную серию гнилостных бульков, и ведун недовольно покосился в их сторону. Вот из таких, сказывают, новорожденные криксы по ночам и выскакивают. А еще – навки светящиеся лезут да болотницы зеленоволосые. В общем, не стоит в здешних местах надолго задерживаться. Это мелкая нечисть темноты ждет, а леший или болотник может и днем закружить-заморочить.

– Не иначе, сговорились душегубы с водяным, – проворчал Середин, ускоряя шаг. – Дары да жертвы ему приносят, а он их от слуг своих прикрывает. Али колдуна сильного в ватаге имеют.

– Ты мне токмо покажи, – низко пробасил Радул. – А уж там их никакая черная ворожба не спасет.

Олег вздохнул, глядя под ноги. Предполагалось, что он должен искать в траве следы неведомых татей, которые на тракте от Пскова к Великим Лукам балуют, однако разбойнички ухитрились протоптать среди рыхлых торфяников такую колею – с завязанными глазами не заблудишься. Непонятно только, почему при подобной открытости душегубов ни псковский воевода их до сих пор по березкам не развесил, ни местные охотники. Опочка-то – селение большое, сотни полторы дворов. Тоже пытались лихих людишек заловить, когда девки, скотина али телеги с добром пропадали.

Не нашли...

От быстрой ходьбы на лице у ведуна проступил пот, потек тонкими струйками, принося на губы легкую, с горчинкой, солоноватость. Значит, полынь скоро смоеется. Комары жрать начнут.

– Когда же она петлять-то перестанет, электрическая сила?

Тропинка, словно услышав мольбу ведуна, сделала последний зигзаг и уткнулась в самую топь, в широкое гнилостное окно, немедленно надувшее перед гостями большой, радужно поблескивающий на свету пузырь.

– Ну вот, приехали... – сплюнул Олег и потер запястье, которого коснулся легкой теплотой крест.

Середин с самого начала не хотел браться за это дело. Когда они с боярином накануне въехали в связанные из заостренных жердей ворота Опочки и стали договариваться со старостой о ночлеге, Олег мимоходом предложил вывести нечисть какую местную, коли досаждают. Он во многих селениях так столовался: ему предоставляли кров, еду, а иногда и приплату давали небольшую; ведун же, в свою очередь, выкуривал из домов рохлей, чертил борозду от коровьей смерти, отпугивал ночных крикунов.

Староста тут же пожаловался на ватагу душегубов, что не первый год на дороге безобразничали. И из Пскова супротив них дважды дозоры присылали, и сами мужики ловить пытались – не дались хитрые тати, никому не попались.

Олег от подобной просьбы попытался откреститься – его дело, мол, с нежитью бороться, а не с людьми. Тем более – одному супротив добрых двух десятков. Но тут вперед пролез Радул и клятвенно пообещал погань нерусскую извести.

– А почему ты решил, что душегубы – нерусские, боярин? – поинтересовался Середин, вглядываясь в болотный простор, местами парящий теплыми окнами, местами – кивающий ветвями чахлых березок.

– Да разве ж русский человек руки свои душегубством марать станет? – громко возмутился богатырь. – Не может такого быть!

– Это, конечно, аргумент... – задумчиво ответил Олег.

– Ну, чего там, ведун? – Боярин прыгнул наземь, и рыхлая, напитанная водой земля затряслась.

– По виду, в топь тати ушли, – почесал в затылке Середин. – Тропинку через вязь, похоже, знают. А не знаючи, лучше не соваться. Вмиг к болотнику в гости попадешь. Ни меток не видно, ни следа от тропы тайной... Нет, не найти.

– А как же мы их рубить станем, коли не найти? – удивился Радул.

– Хороший вопрос, боярин, – усмехнулся Олег. – Я должен отвечать?

– Ты давай, давай, ищи, – нетерпеливо подергал себя за курчавую бородку богатырь. – Я их всех побить обещал. Дабы не водилось люда такого на земле русской!

– Я вот одного не понимаю, боярин, – прикрыл глаза от солнца Середин. – Куда они ушли? Ведь не у русалок же под водой отсиживаются! Болотная нечисть – не та компания, чтобы так долго и часто гостей на волю отпускать. Рядились не рядились, а на уговор с болотниками полагаться нельзя. За пару лет обязательно должны были обмануть. Опять же, и добро в топи под водой не спрячешь, и оружие. Попортится всё.

– Не, ведун, ты не дело молвишь, – решительно покачал головой богатырь. – Где это видано, чтобы тати под тиной логово себе рыли? Не, на острове они где-то сидят. Тропу разведали али гать настелили. Вот теперь и прячутся.

– Где? – развел руками Олег. – Я тоже так подумал, да только где острова-то, чтобы отсидеться? Смотри, топь какая до горизонта.

– Вижу, – согласился Радул.

– И я вижу... – опять почесал в затылке ведун. – Не, не сходится тут что-то. Что-то здесь не то...

Середин закрутился на месте, дошел до заводного коня, приоткрыл клапан на чересседельной сумке, заглянул в нее, пошарил рукой...

– Ага, одна осталась. Куриная. Курица, конечно, не птица, но должно сойти.

– Ты чего затеял, мил человек? – забеспокоился богатырь.

– Всё хорошо, боярин, – вглядываясь в траву, ответил Олег. – Мне нужна птичья косточка, чистотел и земля здешняя. Здесь место открытое, влажное... Чистотел наверняка расти должен. А ты, боярин, сделай пока доброе дело, костерок запали. А то мне всё это сушить надо будет.

Как ведун и полагал, желтенькие цветки чистотела попались ему на глаза уже минут через десять. Он ощипал несколько листочков, ковырнул из земли щепоть

торфа и вернулся к боярину Радулу, который уже успел набивать с деревьев сухих нижних веток и запалить у самого берега скромный костерок.

Середин развязал узел с кузнечным инструментом, достал лопатку для углей, кинул все приготовленные компоненты на нее и придвинул к огню, следя, чтобы травка, торф и костяшка грелись, но не сгорели. На хорошем жаре процесс шел быстро. Примерно через полчаса Олег смог без особого труда растереть рукоятку ножа в мелкий порошок кость, а торф и листья пропустил просто между пальцами. Затем смешал все в единую массу и направился к концу тропинки:

– Как Ярило красное на небо поднимало, свет пускало, закоулки открывало. Закоулки черные, закоулки белые, норы глубокие, гнезда высокие. Как птице с гнезда под Ярилом далеко видать, так бы и мне всё видеть. Как чистотел тело чистит, так бы и землю сию от черноты избавил, свету открыл... – Ведун ухватил щепоть наговоренного порошка и, просыпая перед собой, сдул его к краю берега.

Простор впереди заплясал, задергался, словно разрываясь на лохмотья, и метрах в трехстах проявился поросший ольхой и березами горбатый остров, на котором стояли два сруба, навес и горел костер, пуская к небу сизый дымок. Несколько мужиков в серых рубахах сидели у очага, передавая по кругу большой козий мех. Видать, ждали, пока спечется что-то, а пока пивком баловались. Еще трое стояли на берегу и без всякой опаски наблюдали за манипуляциями Середина и стараниями Радула, что продолжал ломать хворост для костра – про запас.

– Они думают, мы их не видим, боярин, – оглянулся на товарища Олег.

– Ух ты! – восхищенно охнул богатырь, подняв голову. – Снял, стало быть, заклятие колдовское? Ай да ведун, ай да молодец!

– Толку-то? – пожал плечами Середин. – Пути на остров мы всё едино не знаем. Наугад через такие окна сунешься – и семи шагов не проживешь. А ночевать здесь я ни за что не останусь, и тебе не дам. Не знаю, как душегубы тут договорились, но нас до рассвета нежить точно изведет, не сдержу. Так что в засаде мы тут тоже засесть не сможем. Разве только у россоха, что на холме. А до него версты две. Такую засаду обойти проще простого.

– Эт-то точно, – кивнул боярин, отходя к коню.

Он снял крышки с колчанов саадака, вытащил из кармашка на его боку серебряный с чернением браслет и серебряное же кольцо с глубокой бороздой посередине. Браслет нацепил на левое запястье, кольцо натянул на большой палец правой. Аккуратно вытянул из лубья поблескивающий золотистым лаком лук, словно составленный из двух толстых, круто выгнутых луков, соединенных короткой прямой кибитью. Середин изумленно закашлялся: толщина плеч лука почти вдвое превышала ту, что была у купленного им в Изборске. Но если сила натяжения даже на его луке была, на глазок, килограммов пятьдесят-шестьдесят – то сколько же тогда в этом? Четверть тонны?

На острове пока никакого беспокойства не ощущалось. С одной стороны, разбойники пребывали в уверенности, что парочка на берегу их не видит сквозь навороженный колдуном морок, с другой – приготовления Радула до поры скрывал широкий бок богатырского коня. Между тем боярин взял лук в руку, проверил кольцом натяжение тетивы, перекинул колчан на седло, чтобы удобнее было выдергивать стрелы, повернул голову к острову, примериваясь для стрельбы, коротко выдохнул...

Трень... Трень... Трень... Трень... Трень...

Стрелы устремлялись к острову с интервалом в секунду, с тихим зловещим шелестом разрезая воздух. Из троицы на берегу двое татей осели, пробитые навывлет, и только после этого последний осознал опасность и дернулся в сторону. Предназначенная ему вестница смерти на всю длину вошла в землю, а боярин мгновенно перевел взгляд к костру. Один мужик упал вперед, лицом в огонь, второй отвалился на бок. Оставшиеся вскочили, непонимающе оглядываясь, и это стоило жизни еще троим: вжик, вжик, вжик...

Наконец послышался испуганный крик, душегубы припустили на противоположный берег, за холм. Богатырь же продолжал мерно работать, опустошая колчан. Правда, теперь, при стрельбе по движущимся мишеням, точность его руки и глазомера начала давать сбои. Вот один из разбойников, который убегал, пригнувшись, от костра, свалился и вместо того, чтобы замереть, забился на земле, держась за высунувшийся меж ребер наконечник. Вот другой упавший вскочил и, приволакивая ногу, продолжил бегство. Третий, пришипленный стрелой к дереву, заорал дурным голосом, не желая уходить к Калинову мосту.

Наконец боярин замер, удерживая в кулаке наложенную на тетиву стрелу и оглядывая затихший остров. В этот миг кто-то полуодетый высунулся из двери сруба, видимо привлеченный недавним шумом. Понять, что случилось, он не успел: тренькнула тетива, кратко шелестнула стрела – и широкий стальной наконечник впился ему в ухо, обрезая жизненный путь. И опять над болотом повисла тишина.

– Эхе-хе-х, – помотал головой Середин, в глубине души даже жалея попавших, как кур в ошип, разбойничков. Сидеть под прицелом и не иметь возможности чем-либо ответить – удовольствие куда как ниже среднего. – Меда с пирогами достать, боярин?

– Не, ведун, – отмахнулся богатырь. – Надобно сперва татей извести.

– Как знаешь. – Олег достал из котомки один из расстегаев, которыми в достатке снабдили их крестьяне, глиняную флягу с хмельным медом и уселся на подгнивший ствол недавно упавшей березы, наблюдая за дальнейшим развитием событий.

С одной стороны, шансов хоть как-то навредить киевскому ратнику у татей не было. Лук – это ведь не винтовка, с которой только и дела, что на цель наводи да гашетку нажимай. Тут помимо точности силушка изрядная нужна, чтобы стрелу до цели добросить. Опять же, хороший боевой лук немалых денег стоит. Вряд ли такая драгоценность найдется в обычной придорожной банде. А всякие дешевые поделки из ясеня, вяза, акации или тиса – на приличной дистанции только комаров годятся смешить. С другой стороны, прохода на остров они с Радулом не знают, а разбойники не такие дураки, чтобы добровольно под выстрел высываться. Будут теперь до самой темноты за земляным горбом прятаться. И не выковыряешь их никак...

– Ведун, – покосился на него боярин, – не в службу, а в дружбу. Выдери мне пару пучков моха.

– Щ-щас... – Олег торопливо заткнул флягу, запихал в рот остатки пирога потянулся к ближайшей осине, под которой выпирал толстый слой серого болотного мха.

– Ага, – кивнул воин. – В правой сумке туесок посмотри, березовый. Деготь я там от мора всякого вожу.

– От мора лучше уж горчицу использовать, – недовольно поморщился ведун, открывая чересседельную сумку. – Вечно вы норовите всякую дрянь на себя намазать. А мне потом лечи... Вот, нашел.

Боярин снова кивнул, опустил лук. Обмотал мхом древко под самым наконечником, макнул в едко пахнувший туесок. Пока мох пропитывался, точно так же обмотал еще одну. Выдернул первую стрелу, наложил на тетиву, опустил наконечником к углям костерка. Деготь, потрескивая и чадя, занялся пламенем. Радул вскинул свое смертоносное оружие – и стрела, трассирующей пулей мелькнув над болотом, впиалась в бревно одного из срубов под самой кровлей. Богатырь, поглядывая в сторону острова, скорее смочил вторую стрелу, зажег ее и пустил на кровлю второго дома. Тонкая и сухая, как газетная бумага, дранка полыхнула уже через минуту. Огонь, весело приплясывая, побежал по ней в стороны. Боярин пересчитал оставшиеся в колчане стрелы, удовлетворенно качнул головой, наложил одну на тетиву и замер в ожидании. Середин, достав себе еще один расстегай, тоже вернулся на поваленную березу.

Прошло минут пять, прежде чем из первого сруба с испуганными криками вылетели двое душегубов. Первого Радул поймать на стрелу не успел, но второму, когда тот перемахивал очаг, вырастил оперение точно меж лопаток. Однако этим дело не кончилось. Крики стали громче. Шевеления пока заметно не было, но вскоре через конек крыши плеснулось немного воды. Потом еще немного. Похоже, кровлю пытались затушить с той стороны.

Когда стало ясно, что это не получится, кто-то из обитателей острова рискнул выскочить с бадьей к берегу, плеснул. Попасть на крышу у него не получилось – но в тот самый момент, когда он на миг замер, взмахивая ведром, Радул отпустил звонко цокнувшую по серебряному браслету тетиву – и смельчака не стало. Между тем, одного ведра для избавления от пожара было мало, а новых добровольцев среди татей не находилось – и огонь очень быстро разросся до прежних пределов. Со вторым срубом дело обстояло еще хуже: он располагался на относительно пологом месте, и добраться до него из-за взгорка, не открываясь стрелку, было невозможно.

– Ну же, чернобогово отродье, шевелитесь, – приободрил татей боярин. – Иначе и добро всё ваше скопленное сгорит, и крыши лишитесь...

Радул прикусил губу, что-то высматривая, резко натянул лук и спустил тетиву, но куда ушла стрела – Олег заметить не успел. Оба сруба вскоре превратились в высокие, воющие от натуги, столбы пламени – от жара на кронах ближних деревьев посворачивались листья, а затем и ветви полыхнули яркими язычками. Верховой пожар метнулся по острову от берега до берега и вскоре умер сам собой, оставив вместо крон черные столбики стволов. А затем упало пламя и над домами – теперь на них пританцовывали лишь низкие синие огоньки, дожидая то, что осталось нетронутым. Несколько пылающих лохмотьев, взлетев над черными островами, упали на навес – и он, разогретый близким огнем, полыхнул с такой яростью, словно его полили бензином. Раз – и нету.

– Да, – признал Радул, опуская лук. – Теперича точно не высунутся.

Упаковав в саадак оружие и остатки стрел, он прошелся окрест, выбрал молодую осину в две ладони диаметром, навалился плечом. Деревце крякнуло, совсем как поднатужившийся человек, слегка накренилось. Богатырь обошел с другой стороны, навалился снова, раскачивая растение.

– Ты чего, свалить хочешь? – не выдержал Олег. – Так у меня топор есть, чего мучиться?

Не ответив, боярин вытянул из ножен свой пудовый булатный меч, широко размахнулся, рубанул. Несчастливая осинка опять крякнула, но устояла. Богатырь зашел с другой стороны, размахнулся... И деревце с треском рухнуло в траву. Радул отмерил вдоль ствола шагов десять, двумя сильными ударами отсек всю крону, закинул ствол на плечо и направился к берегу.

– Никак мост собрался наводить? – усмехнулся Олег. Радул, не отвечая на подначку, принялся тыкать в дно у конца тропинки. Здесь, понятное дело, было мелко – ведь именно отсюда и шла потайная тропа. Но поди угадай – как она дальше вьется? На прощупывание дна особо рассчитывать не стоит – наугад можно в тупик выйти, причем не раз, или на рыхлое место попасть, что не сразу, а постепенно под тобой в глубину уйдет. Да и вообще – долгое это дело.

Боярин перенес тычки влево, вправо, дальше, благо длина бревнышка позволяла, повел из стороны в сторону, потом неожиданно напрягся, поднатужился... И из маслянистой воды вывернуло черную гать – сложенный в несколько слоев плетень шириной в два локтя. Богатырь уронил его обратно в

воду, но тут же снова подцепил, приподнял, подтянул к себе. Полоса метров в пять длиной проползла по тине почти до самого берега.

- Н-ну! - натужно потребовал боярин.

Олег, мысленно выругавшись, подскочил, ухватил грязные склизкие ветви, потянул. Мгновением спустя к нему присоединился Радул. Вместе они оттащили кусок гати подальше в траву, после чего киевский ратник снова взялся за бревно, старательно ковыряя им по дну, докуда только мог достать, разрыхляя слежавшиеся древние слои, перемешивая их с водой до состояния однообразной кашицы. Когда с берега бревно перестало находить какую-либо опору, боярин с облегчением перевел дух:

- Ну, теперича точно не выберутся. Вода у них токмо тухлая, жратвы наверняка нет, с избами все сгорело. Струмент тоже. Ножками через месиво сие не сунутся - потопнут. Так что, ведун, дело свое мы сделали. Теперича и людям не стыдно в глаза глянуть.

- Стыдно-то, может, и не стыдно, - возразил Середин, - да только как мы докажем, что банду разгромили? Тушки-то уголовные все на острове остались!

- А чего доказывать? - удивился боярин. - Скажем, дабы не беспокоились, и ладно. Мы же не за награду дело свое творим, а ради земли русской, дела княжеского и совести своей. Чуток менее нечисти на земле стало - и хорошо.

- В общем, конечно, да, - со вздохом согласился ведун, вытирая руки о траву. - Только моя совесть лучше всего на сытое брюхо работает.

- Никак, оголодал, ведун? - поднялся Радул в седло. - Так поехали в Опочку. Покормят селяне, не боись. Переночуем, да поутру дальше тронемся.

- Угу. - Олег, убедившись что никакой иносказательности его спутник не приемлет, подошел к гнедой, придерживая рукой саблю, и привычно поставил ногу в стремя. - Сколько нам еще отсель?

- Я так мыслю, сотен двенадцать верст будет, - подобрал поводья могучий воин. - Коли задерживаться не станем, так за месяц доедем. Чай, не дальний

свет.

Радул, словно в подтверждение своих слов, дал шпоры скакуну.

– Месяц, – пробормотал себе под нос Олег, перекидывая поводья чалого через луку седла и посылая лошадь в галоп. – А если придется задерживаться?

Как он и предполагал, селяне не очень поверили гордым уверениям боярина в победе над ватагой душегубов. Поди поверь, коли добычи никакой не привезли, да и сами без единой царапинки! Правда, вслух своих сомнений великокняжескому богатырю никто не высказал. Путников, платы никакой не спросив, еще раз накормили, спать уложили в светлой горнице одного из домов, коням овса задали. Однако же припаса с собой никакого не дали – проводили по утру до ворот и «спасибо» не сказали.

Снова потянулись бесконечные версты наезженного тракта. Дорога, истоптанная десятками ног, сотнями колес, тысячами копыт, уже давным-давно вывела подчистую не то что траву – прочные, как сталь, узловатые сосновые корни и те не выглядывали на желтую пыльную ленту метров в пять шириной. Правда, путников навстречу попадалось мало, да и то не купеческие повозки, а телеги местных крестьян, неспешно везущих кто кривые осиновые и кленовые чурбаки на дрова, кто репу прошлогоднюю, кто высокие стога пахнущего полынью сена пополам с одуванчиками. Олег уже успел усвоить, что этой, первого покоса, травой скотину не кормят – горькая. По в хозяйстве сему и без того применения хватает. Его и перед порогом стелят ноги вытирать, и в хлев скотине бросают для тепла и чистоты, и в выгребные ямы пихают против запаха и чтобы перегной потом лучше получился, и для тепла под пол да под кровлю... В общем, не пропадет добро, только косой махать успевай.

Небо, с которого почти две недели непрерывно сеялся мелкий дождик, наконец совсем распогодилось – на нем не осталось ни одного, даже самого крохотного облачка. Со всех сторон радостно пели, чирикали, заливались птицы – вместо того чтобы истреблять полевых и садовых вредителей, как того требует справочник по агротехнике. Впрочем, до появления первого такого справочника на Руси оставалось еще не меньше тысячи лет с солидным гаком, а потому птицы пока что могли петь невозбранно, поля – обходиться без нитратов, а хлеб – не пугать людей опасностями генной инженерии.

– Эх, картошечки бы сейчас, – вздохнул Олег о грядущих достижениях цивилизации и пнул пятками гнедую, заставляя ее нагнать богатыря. – Скажи, боярин, а какова она, служба княжеская?

– Служба как служба, – пожал плечами воин, звякнув кольцами кольчуги. – Ныне времена покойные, бед особых в землях русских нет. Хазар еще отец князя Владимира разгромил, так теперь токмо шайки малые и то редко когда на рубежи наши наускаивают. Так их дружины поместные обычно побить успевают. На вятичей раз ходили, что великому князю в дани отказать хотели, Булгарию Волжскую побили изрядно. Однако же дань с них князь Владимир брать не стал. Сказывал, соседи они добрые, в родстве с нами многие. Так чего забижать?

– Постой-постой, – непонимающе тряхнул головой Олег. – Какие еще добрые соседи? А вятичи тогда кто?

– Вятичи не соседи, то люди русские, – возразил богатырь. – Мы с ними единокровные родичи, нам надлежит вместе до века жить.

– Так болгары тоже родичи, сам говорил.

– Булгары соседи. Соседи добрые, обижать не хочется.

– А коли «не хочется», зачем в поход ходили?

– Старшинство свое показать, удаль молодецкую.

– Показали?

– А то! – гордо ответил Радул. – Разгромили начисто!

– А коли разгромили – чего под руку свою не взяли, чего данью не обложили?

– Дык, – терпеливо повторил боярин, – князь сказывал, соседи добрые, обижать данью грешно.

– Коли обижать грешно, зачем поход затевали?

– Старшинство показать.

– Показали? Если показали, так чего дань не спросили? Хотя бы для приличия – расходы на поход оправдать?

– Обидеть болгар князь не захотел...

Олег поморщился и отвернулся. У ведуна возникло ощущение, что либо он дурак, либо его таковым пытаются сделать. Весьма странно для любого правителя: разгромить соседа, пусть и самого «доброего», а потом уйти, ничего в результате победы не урвав. Или с «полным разгромом» Булгарии что-то нечисто. Хотя, с другой стороны, – если бы болгары русскую рать разгромили, Радул не был бы столь уверен в своей победе. В общем – темный лес какой-то. Политика...

Дорога тем временем, описав многокилометровую дугу через полный пчелиного жужжания березняк, пересекла влажное урочище, поросшее кочками темно-зеленой осоки, и погрузилась в вековую дубраву. Олег ощутил, как освященный крестик пригрел запястье, и почти сразу увидел полянку, посреди которой стоял метровый пенек с глубоко врезанными глазами и выпуклым носом, похожим на подвешенного вниз головой леща. Чур, хранитель границ.

– От и княжество Полоцкое, – неторопливо спустился на землю боярин, достал из сумки пряженец, отломил край, положил его к уходящей в землю деревянной бороде. – Почитай, верст двести уж миновали, да пребудет с нами милость богов...

Он вытянул из-за пазухи висящий на тонкой золотой цепочке амулет Коло: серебряное кольцо, в которое было вписано золотое солнышко с загнутыми по часовой стрелке лучами, поцеловал, спрятал обратно, бормоча под нос просьбы к своим родуницам – духам-покровителям рода. Затем поднялся обратно в седло и прежним путем двинулся вверх по холму.

Олег тронулся следом, старательно вспоминая, кому именно посвящен амулет. Колядка, вроде бы, обращается к Даждьбогу, сыну Сварога, прародителю славян. К Перуну относится колесо с шестью спицами, крест в кольце – уже амулет Ярила, «Солнечный крест», а крест с лучами, идущими от круга наружу, – это для покровительства предков, к родовым богам мольбы направляет. Прочая

символика на Руси почти не встречалась. Разве только «морской якорь» у северных варягов иногда на шее или одежде поблескивал. Но, хотя внешне этот оберег и походил на якорь, на самом деле означал он молот Тора, покровителя воинов. Похоже, ратник киевского князя считал, что в бою он в покровительстве не нуждается, а по прочей надобности обращался прямо к создателю всего мира. Уверен, стало быть, что даже на небесах про него знают и помнят.

Тем временем они перевалили гребень холма и невольно зажмурились от яркого света: дорога безупречной прямой линией прорезала хлебное поле. Ростки поднялись еще от силы до колена, а потому простор казался пока не золотым, а бледно-зеленым.

– Не проголодался еще, боярин? – поинтересовался Олег. – Где пашня, там и селение неподалеку. А на большой дороге деревень без постоянного двора не бывает.

– Далековато еще до полудня, – поднял глаза к небу воин. – Коли ты, ведун, но каше горячей соскучал, так вечера подожди. Авось, встретим чего к той поре.

– Не встретим, так спросим, – согласился Середин, провожая взглядом очередного крестьянина, что трясся на пустой повозке. – Места здесь оживленные.

– А то, – усмехнулся богатырь. – От самого Киев-града через Чернигов, Ршу, Полоцк и до Пскова дорога тянется. Все города стольные, красные, богатые, княжеские. Погодь, как Чернигов минуем, так и вовсе не продохнуть станет. Там еще и Новгородский, и Белозерский тракты сходятся.

– Понятно, – согласно кивнул Середин. Разумеется, товары по Руси испокон веков на ладьях перевозили, благо полноводных рек везде в достатке. Но дело это степенное, неторопливое. Когда же по срочной надобности из города в город домчаться нужно, небольшой груз довести, рать направить – тут уже приходится посуху пробиваться. Да еще пахари окрестные всякий товар в города на базар возят. Вот и натоптали-наездили.

Кони шли широкой рысью, мягко стуча подковами в дорожную пыль, солнце припекало затылок и быстро разогревало черную кожу косухи. Когда тракт, вильнув с поля в молодой осинник и миновав торфянистый ручей с

переброшенным через него простеньким мостом из десятка бревен, снова выбрался на залитые светом луга, Олег решительно скинул куртку:

- Сейчас бы в холодном омутке искупаться...

- А русалок не боишься, ведун? - оглянулся на него боярин. - Они, сказывают, как раз в таких местах и обитают.

- Чего их бояться? - не понял Олег. - Они к людям за лаской да теплом тянутся, чужого живота не ищут. Вот навки - это да. Те песнями да сиськами подманивают, да потом на дно тянут. Болотницы тоже в яму заманить норовят.

- Тю, бодай вас злыдни темями, - сплюнул наземь Радул и торопливо потянул из-за пазухи свой амулет. - Яровит, Ригевит, услышь меня. Зная и Дидилия, не отведите от меня взора ласкового. И как вы, колдуны, со всей этой нежитью якшаетесь!

- А че? - невозмутимо ответил Середин, не столько для справедливости, сколько желая немного подразнить своего спутника. - Русалки, хоть и холодные, но нежные. Некоторые, сказывают, даже замуж за живых мужиков выходят, да живут с ними до гроба. И ничего. Только с дитятами у них вечная проблема. Да оно и к лучшему. Анчуток и так среди вязей хватает.

- Молчи, ведун, - замахал руками воин. - Ничего не говори. Всё едино я к воде ни шагу не ступлю. Чур меня, чур с вашими тварями.

- Ага, - кивнул Середин. - Как всё вокруг спокойно - так они мои, а как изводить нужно - почему-то сразу общие?

В этот момент они подъехали к широкому ответвлению от дороги, и Олег натянул поводья:

- А это что за поворот, боярин? К городу какому?

- Откуда здесь города, ведун? - покачал головой богатырь. - До самого Полоцка ни одного не помню. Ну, у Себежа тын стоит высокий, выселки кузнечные там же неподалеку, землю железную копают. И всё.

– Так давай повернем... – привстал на стременах Середин, и ему померещилось, что среди зеленых крон под холмом что-то блеснуло. – Давай. Всё едино дневать скоро. А водопоя удобного, может, до самого вечера не встретится. Сам знаешь, как бывает. И потом, не зря же здесь такую колею накатали? Значит, есть смысл повернуть.

Радул тяжело вздохнул, однако аргументам внял и первый отвернул коня вправо, вниз по пологому склону. Дорога запетляла между могучими замшелыми валунами, поднырнула под орешник и неожиданно растворилась на широкой прогалине. Олег сразу понял, что оказался прав: просторная песчаная отмель, ходить по которой босиком – одно удовольствие; кувшинки справа и слева от спуска к воде словно манят приблизиться к раздольному, не меньше трех километров в длину, озеру. На поляне видны следы не меньше десятка кострищ – значит, здесь останавливались многолюдные обозы или даже сразу несколько караванов. Либо тут место очень удобное, либо и вправду до ближайшего водопоя топать и топать.

Путники спешили, отпустили лошадям подпруги, скинули самые тяжелые сумки. Олег – благо шли скакуны последние версты шагом и почти не запарились – сразу собрал их за поводья, подвел к воде. А когда те напились и побрели щипать травку – быстро разделся, разбежался по песку и, громко ухнув, нырнул в блаженную прохладу.

На глубине вода была чуть ли не ледяной, зато на поверхности нагрелась, как парное молоко. Середин вынырнул, отплыл в сторонку от перемешанного места, лег на спину, раскинув руки и наслаждаясь покоем и невесомостью. Так он мог бы лежать довольно долго – если бы не услышал с берега конский топот. Олег извернулся, погреб к поляне торопливыми саженками, но всё равно опоздал: к котомкам на всем скаку вылетели три всадника – бездоспешные, в рубахах и шароварах, но каждый с мечом на боку и щитом у седла. Спрыгнув, двое тут же полезли рыться в сумках, а третий принялся ловить за поводья лошадей.

– Э-э! – подплыв к берегу, встал на ноги ведун. – Куда лезете?! Что, по рукам давно не получали?

– Помалкивай, голозадый, – отзывался от сумок один из воругов, – пока самому ничего не отрезали. Это боярина Зародихина земля. Что на ней бесхозное лежит – то всё его.

– Это мое, дитя бесхвостой ящерицы, – яростно пробивался сквозь воду Олег. – А ну, оставь!

– Как ты меня назвал? – выпрямился вихрастый, веснушчатый юнец. – К рыбам на корм захотел? Ну, иди сюда, тина болотная, я тебе сейчас язык укорочу.

Воришка положил руку на выступающую над поясом рукоять, обмотанную тонким ремешком, и Середин невольно сбавил шаг, сообразив, что оказался один и, мягко выражаясь, безоружный против трех клинков. И тут невероятно вовремя затрещал орешник:

– Мир вам, добрые люди. И чего вам у нашего бивака надобно?

Неизвестно, что делал в кустах боярин Радул, но вышел он оттуда с булатным мечом в одной руке и пудовой палицей в другой. Кольчуга на солнце струилась, словно стальная драконья кожа, глаза смотрели спокойно, но недобро. Больше всего в этот миг Олегу хотелось увидеть лица незваных гостей, но увы – те замерли лицом в другую сторону.

– Кто это, ведун? – поинтересовался воин.

– Тати местные, – небрежно отмахнулся Олег, выбираясь на берег. – Вот тех двоих повесить можно, а конопатого я, как оденусь, в ящерицу превращу.

– Не надо, дяденьки! – взмолился юнец, начисто забыв, что у него у самого имеется оружие. – Не надо, не тати мы! Боярин Зародихин нас послал, Люций Карпыч, подорожное за стоянку собирать. Его ведь земля-то эта. И озеро его.

– Врет, – кратко отметил Середин, завязывая веревку штанов. – Кто же так мыт просит? Нужно подойти, поклониться, улыбнуться ласково. Сказать, что и как. А вы в чужие сумки лезете... Вот насколько засунул, настолько я тебе лапы передние и обрежу, когда в ящерицу превращу. Ну, и этим двоим отрубить можно. А уж потом повесить.

– Так не взяли ж ничего! – хором взвыли незадачливые воришки. – Не сами мы пришли, нас боярин послал. Холопы мы зародихинские. Усадьба его тут рядом, па озере. Оттуда и отмель сию видать.

– Врут, конечно, боярин, – подмигнул Радулу ведун, опоясываясь саблей. – Однако нехорошо как-то – хозяина не спросить. Наверно, надобно их сперва в усадьбу отвести, а уж там покончить?

– По совести, конечно, надо, – кивнул богатырь, опуская меч и вешая палицу на ремень. – Так и быть, съездим, коли недалеко.

– Это вам ни к чему, – прошел между унылыми мытарями ведун, снимая с них пояса с оружием. – Теперь давайте, седлайте наших коней, навьючивайте, да мы поедем. А вы вперед бегите, дорогу показывать будете.

До обители здешнего хозяина оказалось действительно недалеко – с края поляны вдоль берега туда вела плотно утрамбованная тропа. Всего километра полтора – и за небольшой болотиной показалась увенчанная островерхим шатром башенка. Усадьба как усадьба: китайская стена[4 - Китайская степа – стена из кит, то есть деревянных срубов, засыпанных камнями и землей.] в четыре сажени с темным частоколом поверху, две башни на выступающих в поле углах – со стороны озера подобных укреплений боярин ставить не стал. Середин подумал, что на этом, относительно безопасном, направлении срубы стены строители могли и вовсе не засыпать камнями, а оставить полыми для всяческих хозяйственных нужд. Действительно, болотное озеро – это не море и не река полноводная, крупным кораблям с осадными орудиями тут взяться неоткуда.

Бревенчатые створки ворот распахнулись аккурат посередине наружной стены, причем справа и слева от них за частоколом виднелись груды валунов. Простая и эффективная мера: в случае осады камни быстро спихивались вниз, за ворота, и проход в считанные минуты превращался в часть земляного вала, который не так-то просто преодолеть.

Караульный, скучавший на одной из башен, издали заметил своих безоруженных товарищей, трусящих по дороге перед незнакомыми всадниками, и застучал в деревянное било. Вздохнув, Олег проверил, легко ли выходит сабля из ножен, и перевесил щит с крупа гнедой на луку седла. Поди угадай, как встретят? Может, извинятся хозяева за глупых холопов, а может – и обидятся. Покамест видно только то, что ворота подворники запирать не торопятся и лучников на башни не выгоняют. Хотя кто же из-за пары воинов в осаду садиться станет?

Пустив коня рысью, богатырь обогнал неудачливых сборщиков мыта, влетел в ворота и громогласно выпалил:

- Мир дому сему! Здесь хозяева, али в отъезде пребывают?

- А ну, стой, - негромко приказал пленникам ведун и придержал коня.

Некоторые из здешних правил вежливости он уже успел выучить и знал, что въехать верхом на чужой двор считается немалым оскорблением. Такое дозволялось только князьям при визите к боярам - и то лишь к своим, податным. Бояре таким образом могли навестить своих крестьян - не спешиваться же ради каждого смерда! На постоянный двор заезжали все кому не лень - так на то он и постоянный двор, где каждому проезжему кланяются. А к честному человеку так вломись - и станешь врагом по гроб жизни. Радул - другое дело. Он человек великокняжеский, а потому и поступал так, чтобы достоинство киевского правителя не уронить.

- Заловили мы с товарищем моим тать подорожную, шпану с руками липкими да душонками скользкими. Замыслили повесить у тракта, да на волю твою они сослались, боярин Зародихин. Рабами твоими обозвались. Посему спросить хочу тебя, хозяин. Твои ли холопы безобразие на дороге чудят, али ради спасения живота своо таковыми прикидываются?

Богатырю ответили что-то еле слышное, и опять зазвучал могучий голос воина:

- Радулом меня отец с матерью нарекли, хозяин. Роду я боярского, ныне князю великому Владимиру служу, поместным сотником.

И опять отозвался негромкий говор, а затем из ворот выкатился румяный низкорослый толстячок, неуклюже переваливающийся с боку на бок на пухлых ножках. Ни подбитая соболем мисюрка на голове, ни расползающийся на брюшке поддоспешник, ни меч на боку на шитой золотом перевязи не придавали ему грозного или хотя бы воинственного вида.

- Что, добаловали, архаровцы? - фыркнул он носом на понурую троицу. - Трувор, в холодную безобразников!

– Да мы не на дороге, боярин... – плаксиво заныл конопатый. – Мы у озера, как велено, за постой спрашивали.

– Что-то не слышал я вопросов, когда вы в сумках моих ковырялись, – заметил Олег.

– И не кормить их сегодня, Трувор. Неча жратву на охальников переводить, что имя мое позорят.

Из ворот появился широкоплечий седоволосый воин с длинной окладистой бородой, со шрамом через все лицо, оставившим левый глаз навсегда полузакрытым, и еще одним рубцом возле уха. И хотя этот мужик, в отличие от боярина, одет был в простую полотняную рубаху с узорчатым кушаком, а в руках держал только плеть, в нем сразу чувствовалась уверенность и угроза.

– Ну? – поинтересовался Трувор, похлопывая плетью по открытой ладони.

Холопы сникли и, повесив головы, мимо него проследовали в усадьбу.

– А ты заходи, мил человек, – пригласил Олега хозяин. – Гостем будешь, милости просим. Тоже, видать, на княжеской службе состоишь?

– Нет, не имею такой великой чести, – спешил Середин и взял коня под уздцы. – Так, брожу, куда глаза глядят.

– Это ведун Олег, величайший чародей, какого я встречал на Руси! – провозгласил богатырь так громко, словно собирался докричаться до неба. – На моих глазах мага латинянского истребил, сына князя Изборского из полона возвратил, нежити по дороге истребил без счета.

– Ужели? – округлились глаза толстяка.

– Да кому она нужна, нежить эта, чтобы ее считать? – вздохнул Середин. – Нет больше, и ладно.

– Вы входите, входите... – Хозяин сделал такой жест, словно намеревался поклониться – однако место, в котором тело могло бы согнуться, у боярина

отсутствовало. – Милости просим. Счас, баньку вам истопим, а там и стол девки накроют. Неждан, прими лошадей! Пребрана, поднеси корец путникам с дороги!

Олег погладил гнедую по морде, передал поводья подбежавшему подворнику и наконец-то вошел в ворота.

Изнутри усадьба выглядела вполне обычно – хлева, сараи, дом в два жилья с высоким крыльцом над собачьей будкой, деловитое хрюканье со стороны озера. Вот разве две баллисты на колесах, изготовленные к стрельбе, показались для центра Руси уж слишком могучим оружием.

– Ужели понадобились когда? – кивнул в их сторону ведун.

– Когда с Аскольдом на Царьград ходил, в крепостях тамошних камнеметы такие видел, – небрежно отмахнулся боярин. – От и себе похожие сделать захотелось. Большая дорога рядом. Кто его знает, как случается... Пребрана!

– Иду...

С крыльца дома, одной рукой приподнимая подол сарафана, а в другой неся резной деревянный ковш, спустилась девушка лет двадцати. Глаза большие, как у котенка, маленький носик с чуть задраным кончиком, пухлые алые губы. Поясок, завязанный под самой грудью, выдавал печальное отсутствие каких-либо форм. Голова, на диво, непокрыта, косички собраны на макушке и скреплены драгоценной заколкой.

– Сбитеня горячего отведайте, – с поклоном подала она Олегу ковш.

– Спасибо, красавица. – Ведун пршубил сладкий, пахнувший полынью и можжевельником напиток, поперхнулся ядреным паром, но взял себя в руки и сделал несколько больших глотков. Вернул корец, отер рукавом губы. – Хорош сбитень, благодарствую.

– Дочка моя, старшая, – сообщил, подходя ближе, хозяин и скинул перевязь. – Эй, кто тут еще есть? Васька, прими кладенец. И в бане, беги, печь затапливай. Воды свежей вели натаскать.

Боярин Радул тоже наконец-то спешился, принял от хозяйской дочери ковш, осушил его в полглотка и демонстративно перевернул, уронив последние капли на землю:

- Спасибо, хозяйюшка. Крепок у тебя сбитень, до самой души достает.

- Милости просим, - смущенно поклонилась Пребрана и убежала в дом.

Богатырь снял шлем, собрал в кулак бармицу, уложил в сумку, оглянулся на хозяина:

- А усадьба у тебя, смотрю, крепкая, боярин.

- На добром слове, конечно, спасибо, - вздохнул толстяк, - да токмо до всего руки не доходят. Над рекой тын трухлявый совсем, кулаком пробить можно. Всё поменять собираюсь, да то забываю, то смердов свободных нет. Ворота вторые повесить надобно, дабы, коли первые упадут, еще заслон оставался. Но их ведь ни на кожу, ни на сучки не прицепить, петли надобно ковать. Мои, в Зародишкино, отказываются. Горн у них маленький, да и опыта такие махины ковать нету. Надобно с города везти, а поехать туда некогда, и послать некого. Сыновья малы пока, у самого хлопот много. Коли князь ополчение созовет - не знаю, кого и посылать. Трувора вместо себя не выставишь, один не управлюсь...

- Сколько сыновьям, боярин?

- Малому шесть, старшему двенадцать весен пока.

- Ну, так года через два в поход старшего брать можно, - пожал плечами Радул.

- Два года еще прожить надобно... - опять вздохнул хозяин. - Да и как его... - Он махнул рукой и указал на левую башню: - Зато о прошлом годе я башню срубил, и схрон там для луков и припаса зараз сделан. Теперича, коли к стенам кто сунется, с двух сторон осаживать можно. А камнеметы, как сделал, так сразу по яме пристрелял. Ложбинка там, на поле, имеется. С луков туда не достать. Коли пригнется супротивник, не видно его совсем. Я и помыслил, что, коли про механизмы сии враг не ведает, обязательно в ложбину перед штурмом схоронится. А там я его разом валунами и накрою. Еще вот риски на земле. Коли

на них правый камнемет повернуть, он аккурат на двадцать саженой за болотиной на дорогу валуны кладет. Место приметное, по отмашке с башни, как из самострела, ворога накрыть можно...

Внимая простой, но тщательно продуманной, с ловушками и пристрелянными секторами, схеме обороны усадьбы, ведун начал верить, что этот неуклюжий толстяк и вправду ходил под стены далекого Царьграда, рубился в кровавых битвах, взламывал стены вражеских цитаделей. Быть может – в этом самом поддоспешнике, на который надевалась кольчуга или куяк. А может – и то, и другое вместе.

Наконец прибежал взъерошенный босоногий мальчишка в длинной рубахе с мокрыми пятнами, резко поклонился боярину в пояс:

– Затоплена балл, Люций Карпович.

– Ну, так проводи гостей-то – указал ему хозяин. – Веники, квас приготовлены?

– А как же, батюшка.

– Ну, так и ступайте с богом. А я покамест насчет пира распоряджусь.

Рубленая в лапу баня стояла на самом берегу озера с распахнутой настежь дверью. топилась она, естественно, но-черному. и сейчас из помещения выветривались остатки дыма. Гости дверь прикрыли, и, пока они раздевались, внутри стало тепло – куда теплее, нежели на знойной улице. Однако и этого боярину Радулу показалось мало. Едва Олег запрыгнул на полку, богатырь зачерпнул полный ковш кваса, плеснул на раскаленные камни, и под потолок взметнулось белое облако, густо запахло ржаным хлебом. Середин икнул от раскаленного прикосновения – но его спутник плеснул еще ковша три, прежде чем развалился рядом на полке.

– Вот ото я понимаю, – сладко потянулся он. – Это по-людски. Не то что в омута темные к водяным скакать. А, ведун?

– Всяко дело к добру, – простонал Середин, ощущая, как, пробивая запыленные поры, по всему телу выпирает наружу соленый пот. – Главное – это меру знать.

Всё хорошо, когда оно на пользу и вовремя.

- Угу, - согласился богатырь, приоткрывая глаз. - Веники замочить забыл... Ладно, потом... Да, дочку боярскую ты помнишь, ведун? И не подумать, что одной крови. Он - что байбак осенний, а она - тростинка тростиночкой.

- Ну, так и что... - Олег закрыл глаза, которые защипало от накатившего пота. - Он, похоже, несколько лет назад и сам не сильно упитанный был. В одежду старую, вон, не влезает. Приболел, может. Обмен веществ нарушился.

- Чего молвишь, ведун? - не понял Радул.

- Девица, говорю, в старых девах почему-то засиделась, - ответил Середин. - В ее возрасте уж третьего-четвертого ребенка мужу дарить положено, а она всё при отце сидит.

- Это да, - причмокнул воин. - Неладно что-то у боярина Зародихина. Мужей зрелых совсем в усадьбе нет. И сам не сильно хваток ныне. А то возьми девку замуж, ведун? Ты, вроде, пред богами никому в верности не клялся. Один скитаешься.

- Куда мне, бродяге бездомному? Куда я жену приведу?

- Дык о том и речь веду, чародей! - перевернулся на живот богатырь. - Вот он твой дом и будет - усадьба эта. Как родичем станешь, за старшего в семье окажешься. И земля твоя будет, и усадьба, и девка, само собой. Вот увидишь, боярин токмо обрадуется!

- Нет, мое дело бродячее, - покачал головой Середин. - По свету ходить, нечисть изводить, людям добрым помогать. А хозяин из меня никудышный. Непривычен я к земле-матушке. Ты, Радул, сам ее лучше прибери. Я от тебя про дом и жену тоже ни разу и слова не слышал.

- Не, я не могу, ведун, - уткнулся подбородком в сложенные руки воин. - Зарок я дал к бабам близко не подходить. До века зарок, пред Дажбогом на мече поклялся. А жена есть у меня. Вот только где - неведомо. Может, у родителей хоронится. А может, и вовсе на край света убежала.

– Это как?

– Судьба моя такая. Нельзя мне девок в руки брать. Я ведь осьмнадцати годов, после наскока половецкого, от князя в подарок серебра две гривны получил. Да землю у Путивля. Селение такое на Сейму, выше Рыльска. За отвагу да успех ратный наградил княже. Мы тогда дозором в девять копий полусотню степняков перехватили. Ну, порубили всех, почитай. Из дозора токмо я да полусотник уцелели, да четверых сильно посеченных назад привезли.

– Бывает, – согласился ведун. Собственно, десяток тяжело вооруженных воинов разгромить легконогих половцев мог и без Радула, который один роты автоматчиков стоит. Так что князь широким своим жестом не столько могучего воина награждал, сколько к земле привязывал, чтобы в иные места не подался. – Только при чем тут жена?

– Родичи сосватали. Сказывали: как в поход уйдешь, кто за хозяйством приглядывать останется? Из рода бояр Соловых была. Краса девка. Коса – с руку мою толщиной, глаза черные, стать – лебедь позавидует... – Богатырь слез с полка, зачерпнул кваса, плеснул на камни, выпрямился. – В общем, справили мы свадьбу. Я Додоле в тот день семерых белых ягнят принес и семь черных. Сам выбирал. Гости гулять остались, а нам на снопах постель выстелили, пшеницей пол усыпали, курицу в изголовье зарезали. Легли мы с ней... Играли ласково, рады были оба. А как дело святое сполнять начали, я сгоряча даванул ее с силушкой, что боги наградили. Не додумал, приласкать покрепче хотел...

На камни полетел еще ковш пенистого хлебного настоя.

– Поломал, стало быть, девку изрядно. Руку сломал, ребра, ключицу, еще что-то, волхв сказывал. В святилище у Песочной горы выхаживали женушку. Ходить ден тридцать не могла, а потом еще до снега ко мне волхв возврататься запретил. Потом вернулась. Хотя, видел, и боялась изрядно... – Боярин забрался обратно на полк. – Но я ее берег. Касался с нежностью, руки не распускал, обнять не смел. Оттаяла лапочка моя, повеселела, начался у нас лад да радость. Вот... Да токмо не утерпел я еще, всего только раз. Ласки совсем ум затуманили, чувства из груди прыгнули. Ну, и прижал я ее к себе крепко... Очнулся от крика страшного, да и понял, что опять поломал. Опять ее всю зиму и половину лета в святилище выхаживали. А как выходили – не вернулась она ко мне. Убегла куда-то. Ну, а я зарок дал: к бабам боле и близко не подходить. Поклялся. Так что, ведун, сам понимаешь. Мне эту девку прибрать никак нельзя. А тебе...

– А-а-а-а!!! – Поняв, что вынести этого жара он больше не сможет, Олег спрыгнул с полка, выбил плечом дверь, пробежал десяток саженой по стылой глинистой тропинке, влетел в озеро и ухнулся в него с головой.

Минут пять ведун парил в невесомости, избавляясь от убийственного тепла и напиваясь блаженной прохладой, потом подплыл к берегу. Вернувшись в баню, он недрогнувшей рукой превратил в пар ковш четыре, выпил примерно половину пятого, после чего легко вспрыгнул обратно на полку, вытянулся во весь рост:

– Вот теперь хорошо...

– Счас еще лучше будет, – многообещающе пробасил в самое ухо Радул м принялся охаживать Олега веником...

Великая вещь – банька. Выходишь из нее – и ощущение такое, будто не только тело, но и душу свою отмыл. Внутри все так спокойно, благостно, мягко. Утершись приготовленными в предбаннике полотенцами, путники переоделись во всё чистое – свежая рубашка и портки были с собой у каждого, – после чего покинули баню. Поджидавший их мальчишка тут же поднес крынку с холодным пивом и, спросив, где грязная одежда оставлена, шмыгнул в дверь.

– Постирают, – сообщил боярин и припал к широкому горлышку.

– Это я и сам понимаю. – Середин с тревогой следил, как быстро двигается Радулов кадык, а по усам и бороде сползают клочья пены. – Вот высохнуть бы успело.

– Как высохнет, так и тронемся, – безмятежно ответил богатырь, оторвавшись от крынки и протягивая ее товарищу. Внутри оставалось чуть меньше половины, и ведун, закрыв от удовольствия глаза, допил остатки.

Не спеша они тронулись к усадьбе, протиснулись в узкую дверцу, оставленную, видимо, как тайный ход, миновали изогнутый под прямым углом коридор и вышли во двор. Здесь их тоже ждали. Дворовая девка в зеленом сарафане с пышной юбкой – небось, снизу еще юбок пять поддето – проводила гостей в

горницу хозяйского дома. Сама осталась снаружи, прикрыл дверь.

- С легким паром, гости дорогие!

Пока они намывались, хозяин успел переодеться в шелковую рубаху, выпущенную поверх атласных шаровар; Пребрана нарядилась в платье из темно-синего бархата, идущее складками по ее неказистой фигуре. На Труворе по-прежнему была простая полотняная косоворотка – только теперь белая, с вышивкой по вороту.

- Ну, присаживайтесь, угоститесь, чем боги наградили.

- Благодарствую, хозяин, не откажемся, – прижав руку к груди, разом поклонились гости.

Дабы выказать свое доверие и уважение, Радул снял с пояса меч и положил на лавку при входе. Ведун опустил рядом саблю, оставив под рукой только нож – не на случай схватки, естественно, а чтобы мясо или рыбу разделявать. Боярин Зародихин первым опустил в кресло во главе стола, придвинулся. Гости, боярская дочь и Трувор, явно числившийся в усадьбе кем-то вроде воеводы или тиуна, расселись на застеленные овчиной лавки.

Стол Люций Карпович накрыл не по правилам. Олег уже привык, что на пирах сперва выносили пироги и расстегаи, потом мясо-рыбу-каши и прочие закуски, потом борщ, рассольник или еще какой суп, а на завершение – сладковатое сыто. Здесь же стол ломился от всего сразу: и пряженцы, и убоина, и ватрушки, и лотки с зайчатинной, и румяные тушки то ли перепелок, то ли рябчиков, и бараний садрик, и ветчина, и заливная лосятина, и вертела с запеченными почками, и стерляжьи спинки, и гольцы с шафраном, и щучьи головы с чесноком, и грибы соленые да печеные, и караси в сметане, и раки вареные...

Единственное, в чем хозяин уступил обычаю, – так это в том, что перед ним на столе стояло опричное блюдо с крупными кусками подкопченной свинины, и боярин тут же, наколов на кончик ножа, подал по увесистому шматку княжескому воину и Олегу, выражая гостям свое почтение.

- Мед хмельной по весне с первого поставил, – сообщил хозяин, беря за ножку большой медный кубок. – Видать, ради этого случая и бродил. За знакомство давайте выпьем, други, и чтобы встреча наша токмо радости всем принесла.

Все дружно осушили бокалы, взялись за ножи. Середин при виде такого изобилия с неожиданной ясностью ощутил, как давно не наедался от пуза, и на некоторое время забыл об окружающих. Спихватиться его заставил новый тост Люция Карповича.

– Вспомним тех, други, кто с нами был, но ныне нет. По ком душа болит, кого забыть не можем...

Люди нахмурились, задумались. Выпили, глядя перед собой. Снова взялись за еду, но уже без прежней торопливости.

– Богатый у тебя стол, боярин, благодарствую, – кивнул хозяину Радул. – Не всякий князь так потчует.

– То не радость, то боль моя, – огладил подбородок толстяк. – Припасы богатые, да кормить, почитай, и некого. Пия хладосердный нас осенью посетил. Мор с собой принес, жатву собирать начал. Сына старшего забрал, женушку мою сердешную, отца ее, мою матушку с обеими тетками, холопов половину сожрал. Дядьев отцовских. Пребрану сосватали – так и по жениху ее тоже тризну справлять пришлось. Одиннадцать быков я в жертву принес, милость Белбога выпрашивая. Одного, трех, потом семерых на капище привел. Токмо тогда Пия и отступился. – Боярин горестно покачал головой. – Как и жить теперь, не знаю. Легче самому было за Калинов мост уйти. Но меня чаша Мары стороной минула. Похворал маленько, да выправился.

– Боги испытывают нас, боярин, – взялся за кубок богатырь. – Ломают, пугают. Поломаться нам не должно. Долг наш святой и пред ворогом лютым, и пред гневом божьим выстоять, землю отчую сохранить, семя Сварогово детям нашим передать. Дабы множилось племя русское, гремело имя предков наших. За них давай выпьем, боярин. За отцов, что на нас глядят ныне с полей счастливых. Чтобы гордились нами, а не печалились!

Он плеснул немного пива прямо на пол, после чего осушил кубок в несколько глотков. Его примеру последовали остальные.

– Горечь твоя понятна, боярин, – продолжил княжеский воин, – однако же испытание ты прошел с честью. Долг каждого человека честного каков? Род

сохранить, детей после себя оставить. Будут дети – всё остальное приложится. Тут тебе горевать грешно. Дочь выросла красавица, сыновья, сам сказывал, тоже возмужают скоро. Не прервется, стало быть, род Зародихиных, останется на земле русской.

– Род, может, и продолжится, – откинулся на спинку кресла хозяин. – Да вот землю сохраню ли? Не всё тут ладно получается.

– Ну, боярин, тут я удивляюсь, – развел руками богатырь. – Чай, не на порубежье живешь, в центре земель русских. Половцам да шайкам хазарским сюда не добежать. Латинян мечи наши в норы давно загнали. С татями подорожными ты справишься, невелики вояки. Чего бояться?

– Ворогу завсегда голову снять можно, боярин. А что супротив гнева княжеского сделать можно?

– Гнева княжеского? – моментально снизил тон богатырь. – О великом князе молвишь али о своем, Полоцком?

– Полоцкий князь намедни грамоту гневную прислал... – стрельнул глазами в сторону дочери хозяин. Напомнил, что под слово мое пять годов назад полюдые повозом мне заменил. А я по зимнему пути дани-то и не отвез. С ятвягами опять же зимой у него ссора случилась – так я в рать к нему не исполнился, ни единого меча не выставил. Весть-то я об этом получил, да кого выставлять было? Сам на ногах не стоял, подворье обезлюдело.

– Так отписал бы князю-то!

– Гневлив больно князь в письме был. Недоимку в десять дней прислать требовал, да ратников выставить. Угодья родовые отобрать грозился.

– Ужели платить нечем?

– Недоимку собрать недолго, – вздохнул боярин. – И серебро на откуп дать могу заместо ратников – дабы не требовали ополчения, пока старшему четырнадцать не исполнится. Везти некому. Ослаб я после недуга. Крушение в голове частое, в беспмятстве порой пропадаю. Боюсь, не довезу. А с Трувором отправляться –

усадьба пустой останется. Опять же, Трувора послать – здесь догляда не будет. Не хватит меня на всё хозяйство.

Разумеется, боярин немного лукавил. Боялся он не того, что не управится, а того, что старый тиун, несмотря на былую преданность, от больного хозяина с серебряной казной сбежит. Поди поймай его на Руси, когда самого ноги не держат! Это ведун понимал отлично – как понимал и то, что заплатить откуп боярин должен обязательно. Русский обычай прост: или защищай землю отчуж, или отдай другому. Не хочешь или не можешь выйти по княжескому призыву в общую рать – значит, передай удел тому, кто сможет и захочет. А сам в пахари подавайся или в купцы. С этих никто кровь не спрашивает, только оброк или серебро в казну.

– Выкосил мор людишек, – опять пожаловался хозяин. – Не осталось ратников ни на стены поставить, ни в охрану к обозу дать. Новых холопов я набрал, да токмо отроки бестолковые. Не обучены пока ничему, ветер вместо ума гуляет. Ну, да вы и сами на них полюбоваться успели.

– Долго разговоры свои ведешь, боярин, – небрежно махнул рукой богатырь. – Отведем мы с чародеем твой обоз в Полоцк, не беспокойся. Нам по пути, хлопота малая. Токмо приставь кого для догляда, дабы нам чужое серебро считать не пришлось.

– А вот Пребрана отправится, – мгновенно оживился хозяин. – Дочь у меня разумная, всё сделает, как заведено. Ну, и холопов я вам дам, и возчиков. Под вашу руку, само собой. Мало ли чего понадобится. Опять же и доченьку назад проводят. Подрядитесь с нею ехать?

– Отчего противиться? – легко согласился Радул. – Коли посылаешь, так пусть едет. С нами ей опасаться нечего. Верно, ведун?

Олег с минуту помолчал, чуя в происходящем некий подвох, но потом махнул рукой:

– Ладно, отведем.

Коловрат

Шесть пар весел взметнулись над поверхностью воды, ударили по волнам, снова взметнулись и снова ударили. Судно обогнуло далеко выдающуюся в реку отмель – парус заполоскался, яростно колотя серой, выцветшей тканью по мачте, и внезапно, сильным рывком, выгнулся. Крепчайшая аллепская ель закричала от натуги, но выдержала, за бортом зажурчала вода.

– Суши весла. – скомандовал кормчий, выправляя судно ближе к берегу, где течение Борисфена[5 - Борисфен – греческое название Днепра.] не так стремительно.

Гребцы вытащили длинные ясеневые лопасти и без сил попадали на палубу, переводя дух в ожидании нового приказа браться за работу. Видимых признаков усталости не проявили только четверо полуголых варягов, что расселись кружком перед носовой надстройкой и начали метать кости. Наемники из нищих северных стран, не имеющих иного богатства, кроме людей, а потому торговавших своей кровью по всему миру, были привычны и к ратному, и к морскому делу – чего не скажешь про упитанного корабельного кашевара, двоих купеческих детей, помощника кормчего и двух пльвших при монахе слуг. От гребли были освобождены только хозяин судна Геркес; стоящий у весла седовласый и морщинистый кормчий; Иракий, исходя из уважения к его святому чину; ливийская невольница, взятая в поход для плотских утех небольшой команды, да хлипкая служанка самого монаха. Ничего не попишешь, пузатый греческий корабль – это не военная галера, где, кроме носового тарана да отряда лучников, ничего и возить не надобно. Купцу главное – поболее товара разместить, да поменьше на команду потратиться. Оттого и скамеек для гребцов нет – приходится стоя веслами махать. Оттого при нужде на работу приходится ставить каждого, кто на борту есть. Рук не хватит – хозяин тоже за весло возьмется, не побрезгует.

– Киев... – внезапно вскинул руку Геркес, указывая куда-то на лесистые холмы по правую руку.

Близоруко щурясь, монах подошел к правому борту, наращенному толстыми прутьями и обтянутому для защиты от волн коровьей кожей, оперся на него обеими руками, но, как ни старался, разглядеть ничего не мог. И все же русская столица была действительно совсем рядом – ее существование выдавало

множество причалов, выступающих от берега на десятки саженей. Правда, несмотря на дневное время, возле сотен принайтованных лодок, ладей, шаланд, стругов, насад и паузков особого движения почему-то не наблюдалось.

Внезапно над рекой прокатился гулкой удар колокола, потом еще один. Ненадолго повисла тишина, вскоре прервавшаяся легким перезвоном, – и опять по ушам ударил низкий колокольный гул, почти мгновенно перебитый другим, еще более низким.

Ираклий закрутил головой – и внезапно увидел его, Киев. На холме стояла высоченная белокаменная стена с частыми зубцами, ограниченная в начале и конце грубо сложенными, но основательными квадратными башнями с бойницами в четыре ряда и островерхим шатром над площадкой для лучников. Из-за стены выглядывали еще несколько похожих шатров – вероятно, над внутренними дворцами или храмами.

– Не будет ни сегодня, ни завтра работы, – вздохнул грек, указывая кормчему править к причалам. – Коловрат у русичей, Ярилин праздник. Ишь, и вечевой колокол бьет, и набатный, и еще не пойми что. До утра гулять станут, а завтра отсыпаться.

– Разве у них есть колокола? – удивился Ираклий.

– Нет почти, – поморщился Геркес. – Токмо на вече народ звоном созывают, да при тревоге в набатный бьют. Мастерские здесь богатые, мастера киевские всё отлить могут, за что нигде и не возьмется никто. От латиняне многие, да и православные тут колокола и заказывают. А русские, коли другим льют – отчего и самим не позвонить? Хотя, знамо дело, Киев больше мечами своими известен. Здешнему булату нигде более равных нет. За киевский клинок два дамасских повсюду дают. Брони здесь знатные куют, полотна выделывают. Меха тут тоже недорогие..

– Парус долой! – закричал кормчий.

Его помощник кинулся отвязывать веревку у борта, и Геркес, оборвав разговор, направился тому помогать.

Судно, замедляя ход, приближалось к свободному месту у причала. Кормчий и хозяин, подхватив багры, встали у борта, приняли на железные острия толчок, не давая кораблю удариться о настил, – помощник же, наоборот, выпрыгнул наружу с канатом в руке, подтянул корму, а когда она коснулась причала – быстро намотал конец на деревянный столб. Потом побежал вперед, где один из купеческих детей стоял наготове с носовым канатом.

– Дворы постоянные, что христиане содержат, в городе есть? – спросил моряка Ираклий.

– А как же, – кивнул Геркес. – Сюда многие из Византии перебрались. Коли над воротами икона – стало быть, христианин живет. Или двор содержит. Отец нынешнего князя, Святослав, зело веру нашу не терпел, храмы ставить запрещал под страхом наказания. Сын его тоже веру христовую гоняет. Однако супротив икон не протестует. Лики ведь на них, сиречь – идолы. А с богами чужими русские ссориться не хотят.

Монах промолчал: не так давно ушла волна иконоборчества в самой империи, когда патриархи и игумены по этому вопросу бороды друг другу рвали. Не стоит затевать споры по этой скользкой теме с единоверцами на дальних закоулках мира.

– Думаю, святой отец, вас с радостью примут в любом христианском доме, – подвел итог грек.

– Ты охрану у судна выставишь?

– А как же. Порт тут оживленный, люда всякого разного хватает. Спокойнее присмотреть.

– Пусть тогда груз мой у тебя в трюмах пока полежит. Ты когда назад в море собираешься?

– Пока не знаю, отче. С праздниками токмо послезавтра разгрузиться получится. А на обратный путь еще товар найти нужно, али самому вложиться. Неделю точно простою.

– Я заберу свой груз раньше, – пообещал монах. – Дмитрий пусть тоже пока побудет здесь. А Елену и Агафена я заберу с собой...

Помощник кормчего с купеческими детьми уже сняли часть надставного борта, кинули сходни. Ираклий поманил за собой слуг и вышел на причал.

На берегу никаких построек не имелось – склон холма круто уходил вверх, и русские даже не удосуживались чистить его от всякой поросли, чтобы во время осады нападающие не прятались. Места у кромки воды хватало только на узкую дорогу, на которой вряд ли разъедутся две повозки, да на тощих бородатых идиолов, встречающих путников после долгого пути.

Монах сплюнул и повернул налево, размашистым шагом отмеривая чужую землю. Минут через десять он вышел к складам – срубленным из цельных стволов амбарам по полета саженей в длину и около десяти в ширину. Построек было так много, что Ираклий со слугами даже заплутал и с полчаса бродил по вымершим проулкам, пока наконец не выбрался на оживленную дорогу.

Здесь царило веселье. Между капищем, распахнутые ворота которого виднелись по левую руку среди дубовых крон, и угловой башней города постоянно перемещалась толпа, которая пела, орала, насвистывала на дудках и свирелях, приплясывала... На женщинах красовались травяные венки с торчащими во все стороны колосками, мужчины щеголяли в атласных и шелковых рубахах самых ярких расцветок и шароварах столь непостижимой ширины, что на каждые, наверное, пошло локтей по сто ткани. Многие целовались, кричали друг другу поздравления, махали руками.

– Язычники, – презрительно скривился монах.

Сначала он удивился тому, что святилище находится вне города, не под защитой стен. Однако Ираклий вспомнил, что большинство соседей Киева молятся тем же богам, а значит, не станут громить родные идолы. Да и вообще – на восток от империи жили только дикари, которые побаивались чужих богов и даже во время самых жестоких войн не трогали святые для соседей изваяния. Просто на русские земли пока еще ни разу не ступала нога воина из цивилизованной страны. Вот и строили они капища по своим, дикарским обычаям.

Посланец базилевса, стараясь держаться края толпы, дошел до ворот, протиснулся мимо нарядной стражи, которая ради праздника не брала платы за вход, и двинулся по городу, выискивая проулки, на которых было не так шумно. Казалось, это невозможно: язычники, распахнув ворота дворов и двери изб, прямо на улицу выставляли столы, всем желающим наливали что-то пенное и хмельное, грудями насыпали пироги, выносили миски с грибами, капустой, а то и мясом. Пели, кричали. Стоящего посреди одного из перекрестков идола с угрюмо опущенными уголками глаз украсили желто-синим венком, залихватски сдвинутым набок, поставили ему под ноги бадью с брагой и глиняную кружку...

Среди общего гомона ухо монаха наконец-то уловило тихий уголок. Ираклий повернул туда и обнаружил совершенно пустой, тенистый тупичок, где никто не орал и не веселился. С огромным облегчением он перекрестился на список Троеручницы, висящий над дверью в одну из изб, отдельно – на младенца, которого удерживала на руках богомать, но стучаться не стал, ища двор более зажиточный. Как понял монах – здесь, в этом закутке города, обитали только христиане. А потому он уверенно прошел мимо череды приземистых домиков и остановился перед воротами с образом Георгия, молящегося с отрубленной головой в руках. Перекрестившись, посланец кивнул слугам. Агафен тут же выскочил вперед и заколотил в двери, не жалея кулаков.

– Кто там дверь ломает, во имя Христа?! – слышался вскоре встревоженный возглас.

В калитку выглянул старик с большими складчатыми мешками под глазами и толстой щетиной.

– Не поминай всуе имени божьего! – сурово отчитал его Ираклий, и старик тут же упал на колени:

– Прости, отче! Тревожно нам в дни сии, испытания господнего ждем.

– Здесь я всего лишь путник, – подошел к нему монах и протянул руку для поцелуя. – Ищу ночлега, стола и крова на много дней. Не скажешь ли ты, сын мой, где сыскать постоялый двор, хозяином в котором был бы почтенный христианин, а не дикий язычник, дабы мог я спокойно блюсти посты и возносить положенные молитвы,

– К чему искать, отче? – чуть ли не испугался старик. – Мы с сыном с радостью разделим с тобой кров и стол, и свои молитвы.

– Мне не хочется чинить неудобства единоверцам своим.

– Что ты, что ты, отче! – отступил тот, освобождая проход. – То не в тягость, то в радость нам будет...

Ираклий, смилостивившись к просьбам хозяина, ступил во двор, прошел к двухэтажному дому и удивился недовольному мычанию из примыкающего к воротам хлева:

– Чего скотина недовольна?

– Не кормлена, отче. Пост ведь сегодня, среда. Опять же, молимся мы все. За спасение душ несчастных, что блуду и веселию бессмысленному предаются.

– Что молитесь за спасение душ не токмо своих, но и ближних, то хвалю, – кивнул монах. – А вот скотину с пустыми яслями оставлять грешно. Нет у нее души святой, оттого и пост блюсти она не должна.

– А и то верно, – радостно закивал старик. – Пошлю, немедля пошлю девку всем ячменя задать, да брюквы свиньям запарить. А то томится скотинка-то. Никакой радости в ней нет.

Ираклий вошел в дом, перекрестился на красный угол, потом поднялся по лестнице, с которой доносилось тихое бормотание. Ступив в молельную комнату, задрапированную синим полотном, монах перекрестился еще раз на скромный складень, стоящий перед лампадой, и продвинулся вперед между домочадцами. Их было около десятка. Больше половины – малые дети, но в первых рядах склонились пред ликом Господним двое мужей, а за ними, словно прячась от грозного взора, прятались женщины в черных платках.

Старик что-то забормотал, увводя одну из девиц, а Ираклии хорошо поставленным голосом привычно запел «Отче наш»:

– Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеса и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго...

Вместе с мирянами Ираклий отстоял полтора часа молебна, призывая Господа обратить в истинную веру заблудшие души, а потом за общим столом преломил с ними хлеб – хлеб оказался пшеничный, рассыпчатый, но к нему хозяйка принесла только холодную колодезную воду, а потому назвать их обед чревоугодием было нельзя.

Потом Дмитрий, как звали старшего сына старика, показал гостю его комнаты: две смежные светелки наверху – для самого монаха и слуг. Остаток дня они снова посвятил и молитве, а после заката посланец базилевса сходил за вещами на корабль – заодно проверил, как держит грек свое обещание насчет охраны.

На палубе действительно прогуливался один из варягов – при виде монаха со слугами он схватился было за меч, но быстро узнал Ираклия. Елена и Агафен собрали сменную одежду господина, постель, пергамент, стило и чернила, вынесли сундук с тайными снадобьями; священник в это время стоял на краю причала и смотрел, как по реке плывут венки – тысячи и тысячи венков, в каждом из которых таились чьи-то желания и молитвы.

Язычники, что с них возьмешь?

Дождавшись окончания бесовского веселья, Ираклий отправился в великокняжеский детинец. Он возвышался в самом центре города: камень на пять человеческих ростов в высоту, и еще примерно столько же – бревенчатая надстройка. Как сказывали монаху еще в Византии, русские никогда не жили в каменных домах. Камень считался чем-то сродни земле, а потому и жизнь в подобной постройке для них равносильна погребению заживо. Поэтому в величественных палатах, сложенных искусными архитекторами, они встречали гостей, закатывали пиры, хранили оружие и припасы, но жили – жили только в деревянных пристройках, куда всегда уходили на ночь. Даже для скота в любой каменной крепости мастерились загончики из жердей или досок.

Попасть па прием к князю Владимиру особого труда не составило. Монах потребовал, чтобы стражник позвал полусотника, тому показал грамоту с печатями базилевса. Начальник караула ушел, вернулся с обрюзгшим тиуном, который долго обнюхивал свиток со всех сторон, но в конце концов соизволил пообещать что доложит обо всем правителю. Три дня Ираклий раз за разом слышал предложение немного подождать, а на четвертые сутки тиун с таким видом, словно делает послу империи одолжение, разрешил явиться завтра к полудню.

Впрочем, к этому времени слуги с помощью хозяев купеческого дома, где остановился монах, как раз успели выгрузить и распаковать драгоценный груз, а потому в детинец Ираклий направился в сопровождении двух телег, на которых стояли большие сундуки, и десяти юношей из христианской общины.

Великий князь Владимир принял гостя в гулком, как склеп, зале с накиданными на полу персидскими и самаркандскими коврами. Пробивавшийся сквозь слюдяные окошки свет причудливо разбивался на разноцветные пятна, что придавало развешанным на стенах щитам, клинкам и лукам забавные сине-зеленые оттенки. Кое-где, впрочем, на оружие падали красноватые блики, и такая подсветка казалась уже зловещей, кровавой. И неспроста – двери зала охраняли четверо воинов могучего телосложения, одетых в броню и удерживающих копья, вполне пригодные на роль мачты для рыбацкой шаланды средних размеров.

Однако чистый белый свет в зал тоже падал. И падал точно на единственное в зале кресло, в котором и восседал князь: остроносый, с курчавыми русыми волосами и небольшой клинообразной бородкой. Плечи его обнимала мантия из отборных соболей, которую накинули поверх парчовой ризы, расшитой золотом и украшенной самоцветами без счета.

Справа от трона стоял еще один полнотелый воин в броне и с мечом – но это, скорее, был не охранник, а советник, воевода. Слева опирался на посох худосочный старец в нищенском, выцветшем вервии, подбитом, однако, для тепла беличьими шкурками. Волхв. Языческий жрец, что должен провозглашать для правителя волю богов.

– Что привело тебя в наши земли, служитель распятого бога? – спросил Владимир, и голос его загрохотал под сводами, ударяя по ушам подобно молоту, так что гость даже пригнулся от неожиданности.

– Послал меня к тебе, великий князь, базилевс империи Византийской Василий, – ответил, вежливо поклонившись, Ираклий и неприятно удивился тому, что его глас от сводов отнюдь не отражается, звуча жалобным бормотанием. – Император Василий указал заверить тебя во всяческих своих дружеских чувствах, в желании тебе здоровья, силы и процветания. Он просит передать тебе, что не питает в отношении Руси никаких враждебных чувств и в любой миг готов протянуть руку помощи, буде она понадобится.

Воин, что стоял у трона, молча подошел, принял из рук монаха письмо, вернулся назад и передал его своему господину. Ираклий, кашлянув, продолжил:

– В интересах Византии видеть Русь сильной, богатой и прочной державой, дабы империи не беспокоиться более о северных рубежах, которые в случае хаоса неизменно тревожатся мелкими бандами и дикими племенами. Мысли базилевса повернуты на запад, где Фатимиды египетские вознамерились подступиться к его сирийским провинциям. Василий желает сохранить мир с Русью на долгие годы, готов помогать ей, чем только понадобится, и в знак своей искренности присылает эти дары...

Монах указал на дверь, за которой юноши с сундуками дожидались разрешения войти. Князь кивнул – стража распахнула створки. Помощники внесли сундуки в зал и, как учил их Ираклий, тут же подняли крышки. Перед глазами дикарей заблестели тщательно отполированные серебряные блюда тонкой чеканки, нефритовые кубки, золотые цепи, стеклянные фляги, тончайший фарфор из далекой страны шелковых тканей.

К разочарованию монаха, язычник не вскочил, не побежал рассматривать красивые игрушки, а всего лишь милостиво кивнул:

– Передай базилевсу мою благодарность, слуга распятого бога. Когда станешь отправляться назад, приди в детинец. Я отдарюсь с честью.

– Император Василий, желая укрепить дружбу Византии с Русью, указал мне остаться здесь, дабы в любой момент я мог ответить на любой вопрос, рассеять любые сомнения в желаниях и деяниях его, – чуть отступив, опять поклонился монах. – Он желает Руси добра и благополучия и поручил мне привести любые доказательства своей искренности ныне или в будущем, коли они понадобятся. Словом или делом в пределах возможности своей, либо немедля отписать

императору, дабы он предоставил доказательства своей дружбы и искренности. Письма мои велено доставлять ему без задержек, сразу по прибытии.

– Гладко сказываешь, гость дорогой, – задумчиво ответил князь. – Для посольства ты один маловат будешь, однако же и вреда причинить не сможешь али лишнего чего углядеть. От быстрого же сношения с Византией и впрямь токмо пользу вижу... Что просишь от меня для надлежащего исполнения воли своего правителя?

– Дозволь мне, великий князь, о душе своей озаботиться, – положил гость руку на грудь. – Для вознесения молитв прошу разрешения построить часовню христианскую в спокойном месте близ города...

– Вот они чего хотят! – мгновенно вскинул голову волхв. – Так и рыщут, в какую щель со своим богом пролезть! В святилище к богам ходят, грек, в святилище. Одно у нас место для молитв и подношений.

– Мы не ищем ссор с чужими богами, византиец, – твердо ответил князь, – но и своих в обиду не дадим. Негоже чужому богу отдельный дворец строить, когда все прочие в мире и ряде уживаются. Коли желаешь бога своего на нашу землю принести – в святилище иди, с волхвами честно рядись, идола своего там ставь. И не вперед прародителя нашего, Сварога великого, а там, где укажут. А уж коли твой бог пред прочими силу свою покажет, тогда и сам выдвинется.

– Благодарю тебя, князь, – согласился монах. – Я приду в святилище. Однако же, дабы службу свою честно справлять, дозволь мне в детинец к тебе невозбранно приходить. Дабы твое слово в любой миг услышать али слово императорское донести.

Князь переглянулся с воеводой, после чего величественно кивнул:

– Дозволяю!

Себежская гать

Свой обоз боярин Зародихин собрал за несколько часов. Но, учитывая, что в первый день до глубокой темноты гости вместе с хозяином гуляли за пиршественным столом, на второй – отсыпались долго после пира, а после полудня снова собрались за столом, то двинуться в путь получилось лишь на третий день, рано поутру. Три телеги, с верхом груженные солеными полтями откормленных куриц, несколько коробов с сушеным мясом, связки мяса вяленого и копченого, отборные сорока лисьих, соболиных и бобровых мехов, еще какие-то мешки, туеса и бурдюки. Где-то среди груза скрывалась и серебряная казна, но где именно – Олег не знал, да и знать не хотел. Подворники закрыли груз широкой, от борта до борта, рогожей, и никто не собирался открывать этой рогожи до самого Полоцка.

– Вот, шестерых холопов вам даю, – ежась от утренней сырости, сообщил боярин, указывая на сбившуюся в кучку дворню. – Тихон, Садко, Феодул, Третьяк, Базан, Вавила Черный...

Кроме Вавилы – скрючившегося на левый бок, кривоглазого мужика в овчиной душегрейке, растоптанных сапогах и с плетью за поясом, – приставленные к обозу холопы оказались мальчишками лет по пятнадцать-шестнадцать, в коротких стеганках, густо прошитых конским волосом; у каждого имелся легкий топорик на длинной рукояти и кистень за поясом. Только у одного на ремне оказался короткий меч. Такое доверие юноше было оказано наверняка неспроста. Либо рубится холоп лучше прочих, либо чем-то близок хозяину. На всякий случай ведун отложил в памяти его имя: Базан.

– Вам, смерды, наказ, – обратился к людям хозяин. – Слушать боярина Радула как меня самого. Коли Пребрана доложит, что баловать кто стал, – на себя пеняйте. Не спущу.

Появилась и сама боярская дочка – одетая, подобно степнячкам, в шаровары и черную, расчерченную серебряной нитью, войлочную безрукавку поверх атласной рубашки; безгрудая, с узкими бедрами и спрятанными под меховую шапчонку косами, она мало чем отличалась от безусых воинов своего отца – разве только серьги с самоцветами смотрелись не к месту. Еще какая-то девка в простеньком сарафане и льняном платочке забралась на задок одной из повозок.

– Кажись, все, – подвел итог боярин Зародихин. – Так что, доведешь обоз до Полешка?

Богатырь грозно рванул из ножен булат, заставив попятиться всех присутствующих, положил меч на землю и ударил себя кулаком в грудь:

– Пред ликом Белбога, Ярила и Сварога, прародителя нашего, животом клянусь! Довезу добро, что под слово честное мне доверено, до ворот Полоцких, урона никакого ни обозу, ни дочери твоей не учинив, и другим ничего подобного не позволив!

Бояре, женщины и дворня перевели взгляд на Олега, но тот мотнул головой:

– Не, не стану. Я чародей, мне землей клясться – только Триглаву понапрасну обижать. Или так верьте, или я своей дорогой поеду.

– Да как тебе не верить можно?! – удивился Радул. – Я за ведуна ручаюсь, люди. Не бросит и не обманет!

– Ну, други... – Хозяин поцеловал дочку, потом по очереди обнял Середина и Радула. – Не подведите. Да пребудет с вами милость Велеса и Похвиста. Сегодня же жертву им принесу за ваше благополучие. По коням!

Трое молодых холопов, и Базан в их числе, поднялись в седла, вслед за боярином Радулом выехали в ворота. Следом тронулись телеги. На последней сидел Черный Вавила – видимо, для пригляда за впереди катящимися возами.

Пребрана, усаживаясь на коня, немного замешкалась, а потому выехала из ворот бок о бок с Серединым, ведущим в поводу обоих заводных коней – и своего, и богатырского. Некоторое время они скакали молча, глядя на конопатую деваху, что весело болтала свешенными с телеги ногами, потом боярская дочка вздохнула:

– Веришь, боярин Олег, третий раз всего с усадьбы родной отъезжаю. До того два раза с матушкой и отцом в Полоцк ездили – для хозяйства купить кое-чего, да товар свой продать.

– Извини, красавица, – покачал головой Олег, – я не боярин. Тут ты обозналась.

– Как же не боярин, – не поверила девушка, – коли про тебя все дни старики шептались? Дескать, тот самый, тот самый...

– Может, я и тот, который самый, – усмехнулся Середин, – да только всё равно не боярин. Земли, удела своего у меня нет, в верности никому не клялся, на службе не состою. Так, брожу по свету. Где просят – помогаю. Где не просят – баклуши бью.

– Не может быть, чтобы не наградил тебя никто за службу! – возмутилась Пребрана. – Что же тебе тогда князья молвят, почему награды не дают?

– А ничего не молвят, – рассмеялся Олег. – Потому как с князьями я дела обычно не имею. Я больше с упырями да баечниками сталкиваюсь. Да с мужиками, которым они досаждают. А мужики, сама понимаешь, наделы не раздают.

– Не договариваешь ты, ведун, ох не договариваешь... – глянула на него искоса Пребрана. – Боярин Радул за столом скалывал, княжича ты спас. Как же тебя князь Изборский не наградил?

– А боярин сказывал, что с княжичем я в город возвращаться не стал, только до ворот довел?

– Почему же?

Олег промолчал. Рассказывать о том, что стыдно ему было из-за товарищей своих, коих он назад никого не привел, – тревожить еще не зажившую рану. Придумывать пустую отговорку тоже не хотелось.

Между тем обоз выехал на тракт, повернул направо – дальше, на юг. Из-под многочисленных колес и копыт назад полетела пыль, и Олег слегка приотстал. Боярская дочка тоже придержала коней:

– Ведун, а Расскажи, каков из себя Киев-град? А то я ведь, окромя Полоцка, и не видела ничего.

– Рад бы, да что я расскажу, – развел руками Середин. – Не бывал я еще в Киеве. Вот как раз и решил с боярином прокатиться, на стольный город посмотреть. Эй,

Радул! Можно тебя оторвать на пару слов?

Богатырь, ехавший во главе обоза, отвернул в сторону, пропустил телеги мимо себя и присоединился к замыкающим. На дороге сразу стало тесно.

– Вот, боярыня интересуется, каков он из себя – Киев? Больше Полоцка, али как?

– Да Полоцк рядом с Киевом, что будка собачья пред усадьбой вашей! – От возмущенного восклицания мгновенно заложило в ушах. – Весь Полоцк в стенах одного токмо детинца княжеского уместится! В нем без слободы ремесленной, пристроек торговых да малых пригородов версты по две в каждую сторону! Стены высоты такой, что лестницы подобной не связать, под тяжестью своей ломаться станет. Сажен двадцать, не менее. Башни по полусотне стрелков вмешают на каждой площадке. А людей в нем живет – не считано. Коли по земле русской всех рассеять, то земли на всех не хватит, от соседей нарезать придется.

– А коли так, – с неожиданной дерзостью возразила девица, – то почто на службе у него в дружине одни варяги?.

– Это я, что ли, варяг? – расхохотался Радул. – Кто же тебе глупости таковые сказывал? Уж не полоцкий ли князь? Глупости все это, Пребрана. Варяжские сотни в Киеве и вправду есть. Однако же держит их Владимир не заместо дружины обычной, а в дополнение к ней. Случись, ворог нежданно нападет – это сколько же времени ждать, пока ополчение боярское со всех сторон к столице подойдет? А тут под рукой завсегда кулак железный есть. И удар первый выдержать сможет, и ответный нанести, пока свои рати сберутся. Оттого, что ни год, князь Киевский варягов себе нанимает. Нурманов, данов, голов, немцев[б - Немцев – значит немых. То есть не знающих русского языка.] всяких. Коли ссора с соседями назревает – больше созывает, коли мир – даже своих к грекам на службу отпускает. Киев богат, ему варягов покупать – бремя малое.

– А ты видел князя Владимира, боярин?

– Как тебя вижу. И видел, и говорил, и обнял он меня крепко, как помещьем награждал. С тех пор каждый раз, как видимся, по имени величает, здоровается. Князя народ любит, боги к нему благоволят, на землях русских покой который год. Вороги со всех сторон со времен Святослава притихли –

бояться тревожить рубежи наши. Стыдиться Владимиру нечего. К чему ему за спины иноземцев прятаться? За него любой киевлянин живот отдаст...

Так, за разговорами миновала первая половина дня. Дорога уперлась в ворота Себежа – селения, ненамного большего зародихинской усадьбы и обнесенного точно такой же китайской стеной. Внутри путники въезжать не стали. Дела у них в ремесленном поселке, занятом в основном выплавкой железа, не было. А коли так – к чему за вход платить? Они распрягли и напоили из протекающего через селение ручья лошадей, дав им небольшой роздых, перекусили еще теплыми пирогами и прилегли отдохнуть в тени подросшего возле стен кустарника.

– Слушай, боярин, – присела возле жующего травинку богатыря Пребрана. – А твой друг и вправду чародей сильный?

– А как же! – немедленно вскинулся Радул. – Да он у меня на глазах таких чудищ разил, что мне и глянуть страшно было, колдуна в горах Аспида один одолел, с татями супротив двадцати рубился...

– Коли так, боярин, может, мы через Себежскую гать пойдем?

– Это что за место такое?

– Здесь, прямо за Себежем, она и начинается, – махнула рукой девушка. – Ее, сказывают, рудокопы настелили, пока железо в вязях здешних копали. Оно кончалось – дальше стелили. Кончалось – и снова стелили. Там, посреди болота, острова Крупинские. Гать аккурат до них доходит. И с той стороны тоже стелили, и тоже до островов. Получилось, что гать насквозь через топи проходит. Здесь по прямой до Полоцка верст сто получится. Дней за пять пройдем. А если вкруголять, по тракту – то все десять получится.

– А ежели так, – поинтересовался Олег, лежавший неподалеку, – почему по тракту все ездят, а не по прямой?

– Узкая эта гать. Пока рыли, возам с рудокопскими телегами там не разъехаться было. А с той поры, как железо из Себежской вязи рыть перестали, заброшена гать. Нет там никого. Ни людей, ни жилья. Слухи нехорошие про болото бродят. Коли бояре с холопами оружными идут, то удальства ради по ней скачут. А

путники простые, смерды здешние не суются. Опасаются. Мы же коли кругом пойдем, к наказанному сроку не успеем. Князь Полоцкий, может, и простит. А может, и осерчает. Коли по прямой – так даже, на день ранее доберемся...

– Что за слухи-то?

– Про нежить болотную, про русалок да водяных.

– Сама-то не боишься нежити?

– А че ее бояться, коли чародей сильный с нами?

– Ты чего молчишь, ведун? – приподнялся па локте богатырь. – Как мыслишь, стоит князя Полоцкого уважить?

– То не князю, то боярыне нашей услуга, – поправил Середин. – Скажи, красавица, а с боярскими отрядами ничего на гати не приключалось?

– Нет, вроде. Не слыхивала ничего недоброго.

– Откель тогда слухи нехорошие?

– Не ведаю, – пожалала плечами девушка. – Люди речи всякие ведут. И про гать Себежскую тоже. Так что, бояре, пойдем короткой дорогой?

– Пошли, – спокойно зевнул ведун. – Нечисть так нечисть. Первый раз, что ли?

– Что разлеглись, лентяи?! – тут же захлопала в ладони Пребрана. – Запрягайте, хватит валяться! Ночью поспите.

Олег тоже дернулся было, но сообразил, что командует девушка холопами. А ему можно еще маленько полежать. Хорошо всё-таки, когда не сам по себе едешь, а по поручению. И накормят, и напоят, и копей оседлают. Если бы еще только при этом никто голову отвертеть не норовил...

Середин рывком вскочил, пошел по полю, внимательно оглядываясь.

- Ты куда, ведун? - окликнул его богатырь.

- Береженого и судьба бережет. - Заметив старое кострище, Олег наклонился, собрал в кулак золу и аккуратно пересыпал в поясную сумку. - Можжевельника бы еще найти. Но придется обходиться тем, что есть.

Спустя четверть часа обоз обогнул поросшие молодой травкой стены Себежа и втянулся под сень прохладного березняка. Теперь, внимательно вглядываясь в сырую дорожную колею, впереди ехали ведун с Радулом. Болото дело такое - провалиться в промоину легко, а вот выбираться замучаешься. Боярские холопы держались позади, уже не веселясь, как прежде, и всё отмахиваясь от комаров.

- Интересно, - негромко отметил Олег. - Березняк тут дикий, али специально сажали?

- Кому она нужна, береза-то? - хмыкнул богатырь.

- Не скажи... - покачал головой Середин. - В нашем кузнечном деле березовый уголек - очень даже неплох.

- Ты еще и кузнец?

- Есть немного.

- Я так и знал.

- Что?

- Что все кузнецы - колдуны тайные.

Олег усмехнулся, поглядывая по сторонам. Сыро, слякотно - но крестик холодный. Стало быть, поблизости нечисти нет. Наговорили люди на Себежскую гать... Он легонько потрепал лошадь по гриве и завел:

Звенели колеса, летели вагоны,

Гармошечка пела: «Вперед!»

Шутили студенты, дремали погоны,

Дремал разночинный народ.

Я думал о многом, я думал о разном,

Смоля папироской во мгле,

Я ехал в вагоне по самой прекрасной,

По самой прекрасной земле...

- А что такое «вагон»? - перебил Олега боярин, не дав толком изобразить из себя «Любэ».

- Повозка такая, крытая и очень большая, - пояснил Середин.

- А «папироска»?

- Ну, это вроде фитиля, чтобы огонь долго не гас.

- А «погоны»?

- Что-то воды как будто прибыло, - указал под копыта ведун, зарекшись петь еще хоть что-нибудь.

- Да, подтапливает, - согласился боярин. - Как бы не утопи в болотине этой.

Копыта уже не чавкали в грязи, а расплескивали воду; возницы поджали ноги, чтобы не зачерпнуть поршнями. Олег дал гнедой шпоры, промчался рысью еще саженой сто - и внезапно оказался на рыхлой, как старая хвоя, но сухой и

достаточно твердой почве.

– А вот и гать, – потрепал он лошадь по шее. – Не обманула, значит, Пребрана. Есть дорога.

Деревья поначалу просто поредели, там и сям поднимаясь над мхом на серых округлых кочках; кора берез все больше подергивалась черными проплешинами, а сами деревья делались тощими и гнутыми, пока, наконец, не исчезли совсем. Вправо и влево, упираясь в черный гнутый горизонт, на несколько верст раскинулась равнина. Кое-где наружу выпирали кочки, кое-где проглядывали черные провалы среди серых мшистых окон – но никаких островков или взгорков в пределах видимости различить не удавалось.

– Если до темноты заутка не найдем, – заметил Середин, скидывая косуху и подставляя спину жарким солнечным лучам, – будет тоскливо. На узкой гати ни лошадей не отпустить, ни самим толком не устроиться.

– Ничего, дни ныне долгие, – отозвался богатырь. – Найдем.

В воздухе пахло грибами. Мох почти полностью закрывал воду, а потому болото мало парило. Зато жара распугала комаров и надоедливую мошку, и люди наконец-то вздохнули свободно. Такую бы дорогу до самого Полоцка – удовольствие будет, а не путешествие.

– Эх, клюквы здесь, верно, по осени много... – мечтательно вздохнул Середин.

– Коли собирать пойдешь, привязывайся лучше, – тут же прагматично прокомментировал Радул. – Не то вмиг утопнешь.

– Не пойду, – пообещал ведун.

Гать лежала вровень с окружающим мхом, а местами им даже поросла, и если бы не накатанная колея, четкой двойной линией прорезающая серо-зеленое безбрежье, можно было подумать, что едут они по обычной равнине, а не по бездонной топи.

«Как же они в болоте руду добывают? – мысленно удивился Середин. – Среди засасывающих торфяных ловушек, воды, духоты. Или тут сперва появилась выработка, а уж потом на пустующие ямы пришла вода? Похоже, кстати, именно на то. Сперва железо брали там, где ближе, а потом уходили всё дальше и дальше от селения. Карьеры затапливались, заболачивались – но рудокопы потихоньку стелили гать и шли всё дальше...»

Мерно поскрипывали колеса, всхрапывали кони. Осоловевшие от жары всадники то и дело клевали носом, и Олег время от времени громко вскрикивал, заставляя людей встрепенуться. Лошадь ведь мох на дороге и рядом не различает, потянется за брусничкой веточкой, оступится – и всё, поминай как звали. Ухнетя всей массой в рыхлое месиво – спросонок и всадник соскочить не успеет. Разорванная пелена мха сомкнется, и через мгновение даже не разберешь, куда сгинул всадник, когда исчез. Пойдут опять про нежить коварную новые истории по деревням гулять...

В какой-то миг Середин и себя поймал па том, что едва не уткнулся носом в лошадиную гриву – встряхнулся, привстал на стремянах и с огромным облегчением увидел впереди черное пятно высоких елей:

– Никак остров? Боярыня, это что, обещанная Крупинская земля?

– Нет, боярин, – ответила девушка. – Те острова на самой середине должны быть. И большие они, там рудокопы жили даже одно время. Селение срубили.

– Всё едино, тут остановимся, – негромко сказал Радулу Олег. – День скоро кончится, а когда снова на сухое место набредем, неизвестно. Лучше пару часов потерять, чем без нормального ночлега остаться,

– Это ты прав, – согласился богатырь. – Тем паче, меня уж давно в сон тянет...

Остров оказался всего лишь полоской земли, вытянутой поперек дороги метров на двести и шириной около двадцати. Гать упиралась в возвышенную его часть, поросшую толстыми, пахнущими дегтем елями, а на отходящем влево пологом языке расположился молоденький ивовый кустарник. Кусты путники вытоптали, организовав себе стоянку, составили телеги одну к другой; выбрали у берега местечко, раскидали мох, разогнали тину, дали лошадям напиться, после чего спутали им ноги и повесили торбы – пастись здесь всё равно было негде.

Середин не поленился привязать своих и Радуловых скакунов к тонкому стволу одинокой осины, а холопы выпустили боярских лошадей просто в кусты – куда они с мыса денутся? Костер запаливать не стали. Нижних еловых веток хватило бы от силы на несколько минут, а иных дров на острове не имелось. Поужинали скромно: поели пряженцев с соленой рыбой да хлебнули хмельного меда из бурдюков.

Солнце потихоньку опускалось к горизонту, окрашиваясь в зловещий багрянец, потянуло сыростью. Не дождавшись сумерек, в ельнике жалобно заплакал ребенок.

– Ну вот, начинается, – поднялся Олег. – Я думал, обойдется в рудниках-то, но болота везде болота. Значит, так! Кому нужно сбегать за елки, делайте это сейчас, потом возможности не будет.

– Не, вы покуда посидите, – поднялась Пребрана. – Рада, пошли.

Боярыня со своей служанкой ушли за деревья. Когда они вернулись, туда же бодрой трусцой побежали несколько холопов. Кривобокий Вавила тем временем начал натягивать от крайней телеги в сторону веревки, привязывая их к ивовым веткам, сверху бросил кусок парусины – получился немудреный навес на пару человек. Боярская девка взяла перевязанный ремнем тюк, полезла вниз, закопошилась. Через несколько минут позвала:

– Готово, барыня!

– Ну, спокойной ночи, бояре, – поклонилась Пребрана. – И вам, люди, тоже спокойной ночи.

– Хотелось бы верить... – Олег проводил взглядом забирающуюся под навес девушку, вздохнул, достал из своей чересседельной сумки соль с перцем, выложил на тряпицу, высыпал на нее же из сумки золу. Тщательно всё перемешал, потом свернул материю кулечком, отошел к краю утоптанной площадки и медленно двинулся по кругу, высыпая на землю тонкую пыльную струнку:

– Небу синему поклонюсь, реке улыбнусь, землю поцелую, Срече порадоюсь. Доверяюсь вам по всякий день и по всякий час, по утру рано, по вечеру поздно.

Поставьте вокруг меня тын железный, забор булатный, от востока и до запада, от севера и до моря, оттоле и до небес. Оградите меня, внука вашего Олега, от колдуна и от колдуницы, от ведуна и от ведуницы, от чернеца и от черницы, от вдовы и от вдовицы, от черного, от белого, от русого, от двоезубого и от троезубого, от одноглазого и от красноглазого, от косоного, от слепого, от всякого ворога по всякий час...

После трех произнесенных подряд наговоров круг замкнулся. Ведун облегченно выпрямился, свел за спиной лопатки:

– Значит, слушайте меня внимательно, мужики. Линия эта для всякой нежити – что стена каменная. Перешагнуть не сможет. Но действует заговор мой только до тех пор, пока изнутри никто наружу не ступит. Так что до утра любые хождения прекращайте.

В ельнике опять кто-то заплакал. Олег повернулся на звук и добавил:

– И не будьте слишком любопытными. Не только носа длинного, но и головы лишитесь. Всё, спокойной ночи...

Он достал из сумы медвежью шкуру, кинул на землю, уселся на нее, задумчиво глядя на свои яловые сапоги, махнул рукой, оставив на ногах, но пояс всё же расстегнул и положил саблю рядом, под рукой. Кистень тоже вытащил из кармана, вдел руку в петлю, после чего с наслаждением вытянулся во весь рост, набросил сверху край шкуры и закрыл глаза.

Но едва дрема забрала ведуна в свои объятья, как над островом пронесся истошный женский крик. Откинув шкуру, Олег рывком вскочил, хватаясь за рукоять сабли, – однако вокруг всё было спокойно. А кричала Пребрана, указывая пальцем на такую же тощую, как она сама, девку в длинной, до пят, рубашке. На плечи гостьи свисали зеленые патлы, со скуластого белого лица на боярыню пялились пустые, закрытые бельмами глаза.

– Чего кричишь? – подойдя ближе, положил руку ей на плечо Олег. – Болотница это. На дух человеческий пришла. Спи, ночь на дворе.

Девушка, крупно дрожа, замолчала и попятилась, упершись спиной в ведуна:

– А она... Она...

– Ничего она не сделает. Вокруг стоянки черта заговоренная. Спи.

– А она... Она мертвая?!

– Конечно, мертвая! – даже удивился Середин. – Болотница же.

– Как же она ходит?

– Так ведь нежить. Вот и ходит. Спи, Пребрана. Дорога завтра длинная, отдыхай.

– Смотрите, смотрите!!! – заорал на другом конце лагеря кто-то из смердов.

Там, громко хлопая крыльями, пронеслись похожие на кошек летучие мыши с длинными мохнатыми хвостами и когтистыми лапами. Или кошки с кожистыми крыльями – это уж как посмотреть. Несколько болотных тварей врезались в заговоренную стену, заскользили по ней вниз. Остальные сделали стремительный вираж и высыпались на ближнюю ель. Некоторые из порождений ночи слегка светились, отчего дерево стало походить на новогоднюю елку.

– Анчутки это, духи болотные, – вздохнул Олег. – Летают, кусаются, когтями дерут. Они не страшные, их сразу видно. Хуже, когда они людьми прикидываются. Разве только по хромоте узнать можно. Подкрадется, да и раздерет в клочья, прежде чем понять чего успеешь. В общем, обычная нежить. Давайте, укладывайтесь. Спать давно пора.

Ведун подумал, потом сходил к своим тюкам, развязал один из них, достал попоны и накрыл гнедую и чалого. Ночь хотя и не холодная, но лошадей лучше поберечь. В ельнике опять громко заплакал ребенок. Олег вздрогнул от неожиданности и шуганул вытянувших шеи холопов:

– А ну, спать! До утра, что ли, колобродить намерены?

С болота, мерно чавкая, подошли еще две болотницы и остановились перед юными воинами. Те шархнулись назад и полезли под телеги.

- Давно бы так...

Ведун вернулся к шкуре, закатался в нее, но не успел закрыть глаза, как над ухом снова завопили. Середин высунулся и злобно рявкнул:

- Вы что, электрическая сила, так и собираетесь с каждым упырем здороваться?!
Дайте поспать человеку!

Ненадолго наступила тишина, прерываемая жалобным плачем и далеким совиным уханьем, но стоило Олегу опять погрузиться в сладкую дремоту, как его затрясли за плечо:

- Смотри, смотри, ведун!

- Что еще? - обругать боярина Радула Середин не решился и снова высунулся из-под шкуры.

Со звездного неба светила неправдоподобно крупная круглая луна, ветра не было. С вечера, как ни странно, почти не похолодало, даже пар изо рта не шел. В лагере никто не спал. Холопы сбились в кучу возле телег, сжимая в руках топоры, обе женщины сидели на возках. По краю круга бродили четыре болотницы, скакала одинокая мелкая крикса, щелкая собачьей пастью; ели были густо увешаны анчутками, которые время от времени срывались с места, описывали широкие круги и возвращались назад. Еще возле острова шлялась непопятная тварь, похожая на раздувшегося утопленника, но почему-то с четырьмя парами глаз по обе стороны от рыхлого носа.

- Вот, смотри! - указал богатырь на светящийся шар саженой пяти в диаметре, медленно катившийся в сторону людей. По поверхности его бегали непонятные малиновые и сизые разводы, время от времени что-то пробулькивало изнутри наружу.

- На мавку большую похоже, - зевнул Олег. - Они, как вырастут, человеческий облик начисто теряют. Лужами прикидываться любят. Оступишься в такую - и ку-ку. Давайте спать ложиться, право слово!

- А не задавит? Сюда ведь катится!

– Не задавит. Черта округ лагеря заговоренная. Нежити не пройти. Спать ложитесь, солнце всю эту пакость разгонит.

– А разве ты не станешь с ней сражаться, ведун? Ты ведь нежить завсегда истребляешь всячески!

– Я ее истребляю, боярин, когда она людям жить мешает, – вздохнул Олег. – А если всю подряд изводить, и жизни не хватит. А главное – толку никакого. Утопится какая-нибудь дура от несчастной любви, сбросят бродяжки младенца мертворожденного – и снова канитель заварится. Ложись спать, Радул. Утро вечера мудренее.

Однако из путников ни один ведуна не послушал, все продолжали пялиться на странных тварей, голодными глазами глядящих на людей.

«Многовато что-то нежити для простого болота, – отметил ведун. – При здешнем раскладе про эту гать должны леденящие душу истории рассказывать, а про нее только слухи нестрашные бродят».

И он снова завернулся в шкуру.

– Хазары!!

– Штоб вам всем! – вцепившись в рукоять сабли, Середин вскочил, моментально прижался спиной к телеге, готовый рубиться клинком и крушить кистенем. Однако бить было некого: все те же болотницы за чертой, уродец среди топей. Крикса и мавка куда-то пропали, и лишь анчутки на деревьях стало еще больше. – Кто кричал?

– Хазарин! – опасливо прошептали с другой стороны. Олег обошел повозки, растолкал холопов. По ту сторону зольной черты покачивался покрытый лохмотьями костяк: левая рука срублена, в правой – меч; череп темнеет пустыми глазницами, на голове яйцообразный шлем с двумя коровьими рогами – любимое украшение хазарских воинов. Нежить переступала с ноги на ногу, шевелила нижней челюстью и грозно взмахивала мечом.

– Вот погань проклятая, и сюда забралась! – Боярин Радул выхватил меч. – Мало вас в землю русскую положили, так еще и на куски рубить нужно, чтобы покой честных людей не тревожили?

Костяк, словно услышав эти слова, сделал какой-то жест, возмущивший богатыря еще сильнее:

– Сам ты крыса степная! Тварь дикая, прихвостень византийский. Тебе руку одну отрубили? Смотри, и вторую оттяпаю. И меча брать не стану, голыми руками шею сверну!

Олег посмотрел на небо. Ночь подходила к концу. Еще не светало, но очень скоро убийственные лучи Хорса загонят болотную нежить в темные норы и глубокие омуты.

– Да я таких... – Богатырь загнал меч в ножны, размахнулся и врезал хазарскому костяку в челюсть.

Голова вместе со шлемом отделилась от тела, описала пологую дугу и плеснулась куда-то в осоку. Ребра и позвонки осыпались в кучу. Одновременно над островом прокатился долгий басовитый звук, словно лопнула струна контрабаса: дын-н-н...

– Берегись! – Середин кинулся вперед, перебрасывая саблю из правой руки в левую и выдергивая из кармана кистень. Серебряный многогранник, прошелестев в воздухе, врезался в макушку переступившей запретную черту болотнице, обратным замахом ударил по ребрам вторую, опрокидывая обеих на траву. – Во-оздух!!!

К сожалению, этот зловещий для современников Олега клич не вызвал у холопов никакой реакции, а потому хлынувших с елей анчуток встретил оружием только ведун. На миг всё вокруг стало фосфоресцирующе-белым. Олег взмахнул кистенем, сбив на землю одну из тварей, закрутил саблей «мельницу» и, прикрывшись сверкающим кругом, что то и дело срубал у нападающих конечности и куски тел, побежал к лошадям. Первая атака нежити схлынула, уступив место сумраку. На земле тут и там подпрыгивали и расползались обрубки – анчуток этим не убьешь, все куски скоро на место прирастут. Если бы люди были такими живучими...

Слегка поредевшая стая взметнулась ввысь, развернулась, устремилась в новую атаку. Середин взмахом сабли сбил с гривы чалого одного анчутку, кинул клинок, подхватил щит и, присев на колено, выставил его навстречу болотным тварям. Деревянный диск затрясся от множества ударов. Некоторые «киски» садились на землю и пытались забежать под щит, но ведун быстро припечатывал их кистенем. Серебро не сталь, раны от него у нежити не зарастают.

Волна опять спала – Олег вскочил, сбил с лошадей пару крылатых хищников, развернулся. Сильно поредевшая стая заходила на новый вираж. Но поредела она не из-за потерь: в болоте билась лошадь, плотно облепленная нежитью, да по ту сторону острова, судя по звукам, попала в яму еще одна. От телег доносились крики боли.

– Ну же, солнышко ясное, колядо ласковое, Ярило доброе, Хоре могучий, выходи, подмогни нам в беде идиотской. Это же надо так влипнуть!

Светящаяся стая обрушилась вниз. Олег вскинул щит – но на этот раз ни одна из тварей на него не спикировала. Зато крики боли от телег стали громче, пока не захлебнулись. Ведун побежал туда, но помочь не успел: анчутки взлетели, рассыпались в разные стороны. Сбитые кистенем болотницы тоже куда-то пропали. Затих плач под темными еловыми ветвями.

– Светает, – с облегчением понял Середин. – Обошлось.

На небе и вправду появилась розовая полоса, свидетельствуя о скором появлении на небе дневного светила. Луна заметно побледнела, звезды исчезали одна за другой.

– Выспались, называется. – Ведун поднял саблю, отер о попону, спрятал в ножны. Наскоро осмотрел лошадей. Всё оказалось не так плохо: следы укусов, конечно, есть, но раны не рваные, мясо на месте. Заживет. Середин обернулся к телегам: – Вставайте, люди добрые, миновало.

Из-за телег выпрямились несколько холопов, обе девушки вылезли снизу, из-под повозок.

- Целы?

- Феодула порвали, - сообщил Базам, трогая ладонью разорванную щеку. - Я видел, как его эти, летучие, в топь поволокли. Он там бился, но утонул. Веревку добросить можно было, но эти... не дали.

- Остальные на месте?

- Ну... - Холоп огляделся. - Садко! Вавила! Вы где? Садко и Вавилы еще нет, ведун.

- Меня не хороните, - слышался сонный голос откуда-то снизу. - Я здесь... - Меж колес зашевелился кусок рогожи, появилось кривоглазое бородатое лицо. - Шо, собираемся ужо?

- Лошадей ловите, - вздохнул Олег. - Вон, в пене все.

Как выяснилось, из семи хозяйских коней холопы сберегли только трех, да и у тех спины были изодраны до мяса и кровь капала с живота, словно молоко из переполненного вымени. Выругавшись, ведун приказа запрячь в телеги своих - его и Радула - скакунов. На могучего боевого боярского коня навьючили сумы обоих спутников.

Богатырь между тем угрюмо стоял в сторонке. Середин за него особо не беспокоился - кольчугу даже анчуткам не порвать, так что ран киевский воин получить не мог. Однако молчание боевого товарища всё же начало его беспокоить.

- Не бери в голову, - повернул Олег к нему. - Со всяким промашки бывают. Просто запомни на будущее.

- Он меня дразнил... Жесты делал неприличные.

- Для того и дразнил, чтобы ты сорвался. Есть простое правило, Радул, с помощью которого следует бороться с врагами. Никогда не делай того, чего хочет от тебя противник. Коли дразнит не поддавайся. Просит перемирия - бей по голове. Тебя хоть не поцарапали?

– Нет.

– Ну, так поехали.

– Давайте назад повернем, бояре? – подошла Пребрана. – Ну ее, короткую дорогу. Оправдаюсь как-нибудь перед князем.

– Чего уж теперь, – поморщился Середин. – Пошли так пошли. Чего туда-обратно бегать? Опять же, в круге на любой вязи безопасно. Главное – наговор до рассвета нарушить.

Сразу после того, как холопы запрягли лошадей, обоз тронулся дальше. Есть никто из путников не хотел. Забирать с собой, так уж вышло, было некого, тризну править – не над кем. Так получилось, что не унесут жаворонки души умерших, не пройти им Калиновым мостом, не попасть в счастливые земли. Останутся навеки здесь, неуспокоенные. А учуют темной ночью запах живой плоти – вылезут из ледяных омутов крови горячей попить...

Колеса мягко шуршали по гати, лишь изредка проваливаясь в подшившие выбоины, ноги отмеряли долгие пешие версты. К полудню икры начали ощутимо болеть, и Середин понял, что совершенно отвык ходить пешком. Богатырь тоже оказался колоссом на слабых ножках и очень скоро скинул на повозку и броню, и палицу, и шлем, и поддоспешник, оставшись только в белой шелковой косоворотке. Правда, с мечом расставаться не захотел – булат продолжал мерно стучать ему по левой ноге при каждом шаге.

– Глянь, а это кто? – указал богатырь вправо от дороги. Там, возле колодезного сруба на небольшой возвышенности, стоял человек в черном балахоне и глубокими глотками пил из ковша прозрачную воду. – Вроде, не было только что никого?

– Мир вам, добрые люди. – Человек повернул к ним красное лицо с отвисшими щеками. – Не желаете водички колодезной испить с дороги?

– Мы бы и попили, мил человек, – отозвался боярин, – да как к тебе на остров попасть?

- Так вон, тропинка идет... - указал тот на серую ленту, бегущую среди мха.

- Не пей, козленочком станешь, - тихо сообщил богатырю Олег, поймав его за руку.

- Это как? - не понял Радул.

- Да где тропинка-то твоя? - громко переспросил ведун.

- Вон, у ног твоих начинается!

- Да где, не вижу?

- Экий ты... - Человек двинулся ему навстречу. - Вот же она, натоптана.

Олег ощутил, как по мере приближения странного прохожего крест всё больше наливается огнем, и окончательно уверился в своих подозрениях:

- Где, не вижу?

- Вот... - почти рядом с гатью остановился тот.

С посвистом вылетела из ножен сабля, коротко блеснула на солнце и прорубила человека поперек от правого плеча к нижнему левому ребру.

- Ты обезумел, ведун! - метнулся к нему богатырь. - Что творишь?!

- Это ты обезумел, боярин. Какие колодцы на болоте? - Середин опустился на колени, поболтал саблей в том месте, где только что стоял незнакомец. - Видишь? Нет тут тропы. Болотник в омут тебя заманивал.

Верхний обрубок открыл глаза, синие губы забормотали:

- Не жить вам, не жить вам, не жить... - Руки болотника зашевелились, обрубок перевернулся на грудь и споро забрался под гать. Нижняя его часть плавно погрузилась в болото. Колодец же растаял в воздухе, как и не было.

– Благодарствую, ведун, – смущенно почесал в затылке боярин. – Спас ты меня, получается.

– Сегодня я, завтра ты, – отмахнулся Середин – Не будем считаться. А вообще, на болоте ухо нужно держать остро и глазам не очень верить. Тут яма бездонная полянкой легко может прикинуться, поплавок верткий – надежной кочкой, а нежить голодная – другом верным. Посему сперва думай, разумом всё оценивай, а уж потом в незнакомое место сворачивай.

– Хитро... – вздохнул боярин. – Но попробую.

Случай представился через пару часов – путники услышали истошные вопли, увидели бьющегося в воде, в нескольких сажнях от дороги, мальчика с испуганными глазами. Слабеющими руками ребенок цеплялся за мох, тянул его к себе – но вместо того, чтобы вылезать, только вырывал рядом черную торфяную яму.

– Помогите! Помогите-и-те-е-е!!! Тону-у!

Радул рванул было к несчастному, на ходу расстегивая ремень, но опять на самом краю гати ведун успел удержать его за руку:

– Куда, оглашенный?! Ты хоть подумал, откуда он тут взяться мог?

– Может, шел куда? – в сомнении остановился боярин.

– Куда? Откуда? До ближайшего селения полтора дня пути. – Середин повернулся к утопающему: – Ты с Полоцка али из Пскова?

– Со Пскова, – ответила жертва болота, продолжая скрести торфяник ногтями.

– Долго шли?

– Долго...

– Три дня шли?

- Шли...

- Ты тонешь или забыл уже?

Крикса, поняв, что ее обманули, выпрыгнула из лужи и заскакала вдоль дороги по мягкому мшистому ковру:

- Ты умный, да? Ты умный? Умный, да? Да, ты умный? Умный? Умный? Умный? Умный?..

Это продолжалось час, еще час. Еще и еще.

- Лучше бы я утопился! - наконец взмолился богатырь.

- Всегда успеется, боярин, - усмехнулся ведун. - Знаешь, чего она добивается? Что ты взбесишься и полезешь ее добивать. Она как раз в двух шагах держится. Ты ее вроде как мечом достать можешь. А она тебя на краю чуть дернет - и в болото.

- Ты дурак! Ну, ты дурак! Дурак ты какой! - завела новую песню крикса.

- А стрельнуть ее можно? - простонала Пребрана. - Из лука?

- Без серебряного наконечника не убьешь, - не снижая шага, ответил через плечо ведун. - Лишь время потеряешь. Надеюсь, у тебя нет желания ночевать прямо здесь? Ей только того и хочется.

- Дурак! Дурак! Дурак! Дурак! Дурак! - подскочила к самой гати крикса и заскакала, как мартышка, на пеньке.

- Не дожدهшься, - спокойно сообщил ей Середин и прошел мимо.

- Умный! Умный! Умный! Умный! Умный! Умный! - взвыла нежить.

- Мама!!! - зажала уши девушка. - Макошь и Дидилия, сжальтесь над дочерью своей! Лучше б мы пошли округ!

– Не зарекайся, – покачал головой Олег. – Никогда не догадаешься, что является для тебя спасением, а что наказанием. Откуда ты знаешь, может, на дороге нас ждала бы какая-нибудь беда или княжеский гнев? Может, твои богини направили тебя сюда именно для того, чтобы спасти от еще большего несчастья? Жалеть о несделанном бесполезно. Беспокоиться нужно о том, что делаешь. Вот, кстати, еще какой-то встречный. Хромает. Первый признак нежити, между прочим.

Навстречу прихрамывал дровосек вполне мирного вида – с топором за поясом, в куртке из грубо скатанного войлока, в высоких поршнях, небрежно подвязанных у щиколотки.

– И чего ему тут нужно без котомки, без тележки или хотя бы вязанки хвороста? – вслух подумал Середин. – И вообще: откуда взялся лесоруб там, где нет леса?

А еще – крест на руке ведуна запульсировал огнем. Но про этот свой талисман Олег предпочитал не распространяться. Он просто вдел руку в петлю кистеня, уронил грузик из кармана вниз – и нежить, не дожидаясь продолжения, заскакала прочь:

– Дурак! Дурак! Дурак! Дурак! Умный! Умный! Умный! – доносилось с разных сторон.

Ведун увидел, как лицо богатыря пошло пятнами, и криво усмехнулся:

– Зато не кусаются. И несколько дней пути сэкономим.

– Лучше бы они кусались... – скрипнул зубами боярин.

Криксы отстали, только когда впереди нарисовались кроны деревьев. От наступившей тишины в ушах зазвенело, и боярская девка, избавляясь от новой напасти, затянута длинную заунывную песню про ушедшего в зимний поход любимого. Разумеется, где-то там его сердцем завладела иноземная красавица, и любимый вернулся с молодой женой. Продолжение оказалось для Середина совершенно неожиданным: певунье пришлось стать не старшей, а второй женой. Потом муж снова ушел в поход, и несчастная траванула злую «разлучницу»

настойкой из белены. Чем кончилось дело после похода, Олег так и не узнал: гать наконец уткнулась в твердую землю, повозки выкатились под высокие осины, проламывая молодой подлесок, и остановились.

- Привал, - запоздало скомандовал ведун, оглянувшись на боярыню: - Куда дальше поворачивать?

- Не знаю, бояре, - пожала плечами девушка. - Я тут не ездила, токмо слышала.

- Понятно, - кивнул Середин. - Островок-то здешний не в пример предыдущему, за минуту не обойдешь... Ладно, будем искать. Значит, сейчас наскоро перекусим, потом я, Базан и боярин Радул идем осматриваться, а остальные расчищают место для ночлега. Топоры у вас есть, дрова тут наверняка тоже найдутся, заросли вокруг немалые. Запомните три правила: ни к кому незнакомому не подходить, к себе не подпускать, все заманчивые места какими-нибудь палками прощупывать. И тогда ничего страшного с вами не случится.

Крупинский остров раскинулся на несколько километров, а потому искать выход наугад можно было не один день. Однако Середин прикинул, что дальнейший путь лежать должен как продолжение дороги, и для начала двинулся через остров в том направлении, куда указывала первая гать. Увы, пробив тропу через кусты и высокую, по пояс, траву до самого берега, разведчики уткнулись в оконце с чистой водой.

- Ничего, - покрутил головой ведун. - С первой попытки ожидать успеха и не стоило. Давайте попробуем направо вдоль берега пройти.

- С топорами сюда хаживать следовало, а не с мечами булатными, - проворчал богатырь, взмахами клинка расчищая себе путь.

Они обогнули небольшую заводь, перебрались через россыпь валунов.

- Деревня! - с удивлением воскликнул Базан. - Вы гляньте, дома!

Увы, домами всё это можно было назвать с сильной натяжкой: провалившиеся крыши, покосившиеся стены, сложившийся колодезный сруб и лежащий рядом

журавль. Больше всего это походило на брошенный поселок рудокопов, о котором упоминала Пребрана.

– Посмотрим, может, там чего ладного найдем? – Не дожидаясь ответа, холоп запрыгал по камням вниз. – Опять же, и ночевать спокойнее. Хоть без крыши, да за стенами. Колодец расчистить быстро. Водицы чистой, не болотной, испить можно.

Олег, вздохнув, пошел следом. Крестик пока «молчал», никак не намекая на магию, а потому ведун был относительно спокоен.

– Ну, от хозяев ничего не осталось, – доносился голос Базана из ближнего дома. – И стол уже покривился, свечи не удержит. Печь держится! Хотя чего топить? И так жарко...

Отряхиваясь, парень вышел из дома, тут же завернул в другой, и говор оборвался вмиг, как отрезало.

– Что там?! – выдернув кистень, метнулся следом ведун и тоже замер, переступив порог дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Следует напомнить, что Булгария и Болгария – разные страны. Первая находилась на Каме и Волге, вторая – на Балканском полуострове.

2

Евагрий Поптийский (346-399 гг.). Диакон и проповедник в Константинополе, затем (с 383 г.) монах в Питримской пустыне. Считается одним из провозвестников исихаизма – мистического течения в христианстве. Исихаизм возник примерно в IV веке, спустя несколько веков исчез вместе со своими тайнами и был возрожден в XIII веке как учение Григория Паламы, ставшее затем официальной доктриной Византийской церкви.

3

Этот факт являлся причиной того, что все армии, захватывавшие Рим или Византию, неизменно обращались с подобным «культурным наследием» так, как требовали погребальные обряды победившего народа: сжигали или захоранивали.

4

Китайская стена – стена из кит, то есть деревянных срубов, засыпанных камнями и землей.

5

Борисфен – греческое название Днепра.

Немцев – значит немых. То есть не знающих русского языка.

Купить: https://tellnovel.com/ru/prozorov_aleksandr/krestitel

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)